

20716-54

2007112031

КЪ ВОПРОСУ О СОСТОЯНІИ

ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ РОССИИ ВЪ КОНЦѢ XVII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Изъ отчета о занятіяхъ Н. В. Соколовскаго во время его ученой командировки въ Москву и С.-Петербургъ въ 1878—1879 гг.).

Предисловіе. Нынѣшняя редакція „Ученыхъ Записокъ Казанскаго университета“, въ лицѣ редактора ихъ, многоуважаемаго профессора *Θ. Г. Мищенко*, предложила мнѣ написать соотвѣтствующее предисловіе къ этому труду. Я исполняю это предложеніе тѣмъ съ большею охотою, что покойный авторъ этого труда, такъ рано сошедшій въ могилу, былъ со мною весьма тѣсно связанъ научными интересами и служебными отношеніями, и что этотъ его трудъ, давно уже одобренный факультетомъ, какъ достойный напечатанія въ нашемъ университетскомъ изданіи, до сихъ поръ не былъ напечатанъ въ немъ, независимо отъ другихъ обстоятельствъ, о которыхъ я почитаю въ настоящее время излишнимъ распространяться, между прочимъ и благодаря моей малой настойчивости, чтобы опредѣленіе факультета о напечатаніи его было своевременно исполнено.

Θ. Г. Мищенко далъ мнѣ возможность до нѣкоторой степени сгладить мою вину, сдѣлавъ мнѣ вышеозначенное предложеніе, за что приношу ему мою искреннюю благодарность.

Иванъ Владиміровичъ Соколовскій былъ, какъ значится въ послужномъ его спискѣ, сыномъ оберъ-офицера и родился 10 октября 1850 года. Въ 1868 году, по окончаніи гимназическаго образованія, онъ поступилъ въ студенты Историко-филологическаго факультета Казанскаго университета; во время ученія въ университетѣ, какъ отличный студентъ, онъ пользовался стипендіею М. Н. Просвѣщенія. По окончаніи курса въ университетѣ въ 1872 году со степенью кандидата опредѣленъ былъ, по моему представленію, хранителемъ Музея этнографіи, древностей и искусствъ, находившагося въ моемъ завѣдываніи, съ жалованьемъ въ 500 рублей въ годъ. За отличное отправленіе обязанностей по этой должности онъ въ 1875 году пожалованъ орденомъ св. Станислава 3-й степени. Съ 1-го января 1878 года былъ командированъ въ Москву и С.-Петербургъ для усовершенствованія въ наукѣ Русской исторіи. Я здѣсь почитаю необходимымъ привести выдержку изъ официальнаго моего представленія объ этой командировкѣ покойнаго И. В. Соколова, съ которыми исполнѣ были согласны и факультетъ и Совѣтъ У-та, и которое, думаю, удовлетворительно обрисовываетъ характеръ его, какъ молодаго ученаго. Представленіе это было сдѣлано еще въ апрѣлѣ 1877 года, и въ немъ, между прочимъ находятя нижеслѣдующія строки: „Факультетъ, конечно, помнитъ, что г. Соколовскій, по окончаніи у насъ курса въ 1872 году, не колеблясь, принялъ его предложеніе занять должность хранителя Музея этнографіи, древностей и искусствъ, не смотря на крайнюю скромность соединяющагося съ ней содержанія (500 р. въ годъ), тогда какъ, кончивъ курсъ первымъ кандидатомъ, онъ могъ рассчитывать на полученіе мѣста въ любой гимназій, несравненно щедрѣе вознаграждаемаго. Въ этомъ случаѣ г. Соколовскій руководился исключительно тѣмъ соображеніемъ, что, занимая предложенную ему должность, онъ получитъ возможность къ дальнѣйшему изученію Русской исторіи, которой онъ преимущественно занимался въ теченіе студенческаго курса, явивъ результаты такихъ занятій между прочимъ въ своемъ сочиненіи „Петръ Великій, какъ учитель и воспитатель Русскаго народа“, удостоенномъ, по опредѣленію факультета, напечатанія въ Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета. Факультетъ съ своей стороны, предлагая г. Соколовскому мѣсто хранителя вышеназваннаго музея, надѣялся, что онъ этою университетскою должностію воспользуется, между прочимъ, для усо-

вершенствованія себя въ избранной имъ спеціальности и для приготовленія себя такимъ образомъ къ преподавательской дѣятельности по Русской исторіи въ университетѣ. Эти надежды факультета г. Соколовскій оправдалъ самымъ достойнымъ образомъ. Являясь въ теченіе слишкомъ четырехъ лѣтъ постоянно усерднымъ и безукоризненно аккуратнымъ исполнителемъ своей официальной обязанности по званію хранителя Музея, обязанности,—которую, если взять во вниманіе расширение музея, нельзя назвать легкою,—г. Соколовскій въ то же время съ неослабнымъ усердіемъ занимался изученіемъ источниковъ и пособій Русской исторіи и также наукъ, имѣющихъ связь съ этимъ предметомъ. Плодотворность таковыхъ своихъ занятій онъ доказалъ вполне, когда въ прошломъ году явился въ факультетъ для испытанія на степень магистра Русской исторіи, выдержаннаго имъ съ полною удовлетворительностью.

Я покрайней мѣрѣ съ своей стороны изъ познаній, которыя г. Соколовскій обнаружилъ на своемъ магистерскомъ испытаніи, вывожу заключеніе, что въ этомъ молодомъ ученомъ общается весьма полезный преподаватель Русской исторіи въ университетѣ. Самое желаніе его получить возможность къ дальнѣйшему занятію этимъ предметомъ я могу объяснить не иначе, какъ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу будущей его профессіи, къ которому онъ готовился.

И дѣйствительно: ближайшее ознакомленіе съ богатствомъ и разнообразіемъ матеріаловъ и изслѣдованій по отечественной исторіи, которыя сосредоточены въ столичныхъ архивахъ и книгохранищахъ, и которыя въ большинствѣ случаевъ мы напрасно стали бы искать въ другихъ мѣстахъ, при пользованіи указаніями и совѣтами тамошнихъ ученыхъ,—нельзя не признать существенною необходимою для всякаго готовящагося къ профессорской дѣятельности по этой наукѣ“.

Послѣ долговременной переписки нашего университета по этому представленію, обычной впрочемъ для нестоличныхъ университетовъ, И. В. Соколовскій былъ наконецъ командированъ въ Москву и С.-Петербургъ съ ученою цѣлью на полтора года съ сохраненіемъ за нимъ мѣста хранителя Музея этнографіи, древностей и искусствъ и положеннаго по этому мѣсту содержанія и съ пособіемъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 600 руб. въ годъ.

Прощаясь со мною передъ отъѣздомъ въ Москву, Иванъ Владиміровичъ выразился такъ: „что-то жутко, мнѣ кажется,

ѣхать въ первопрестольную столицу; чего то боюсь“. Я поставился разсѣять эти его опасенія, простиравшія, какъ мнѣ тогда казалось, изъ излишней скромности, которою всегда отличался покойный. Дѣйствительно, со мною бесѣдовалъ молодой человѣкъ, не только совершенно здоровый, но, какъ говорятъ, человѣкъ „кровь съ молокомъ“. Высокій ростомъ, красивый лицомъ, стройный, онъ не внушалъ ни малѣйшаго подозрѣнія, что не пройдетъ и двухъ годовъ, и его не будетъ на свѣтѣ, а относительно исполнѣнія удовлетворительнаго исполненія имъ задачи, связанной съ его командировкой, я нимало не сомнѣвался и былъ убѣжденъ, что онъ привезетъ въ Казань прекрасную магистерскую диссертацию. Я, признаться, подумалъ: вотъ человѣкъ, къ которому всего приличнѣе приложить латинское изреченіе—*„mens sana in corpore sano“*,—но чего то напрасно боится.

Въ первый годъ его командировки я не находилъ ни одного факта, который могъ бы поколебать такую мою увѣренность относительно Соколовскаго: переписка его со мною за это время свидѣтельствуетъ, что онъ не только надлежащимъ порядкомъ велъ свои научныя занятія въ Москвѣ; но и умѣловель переговоры съ художниками относительно изготовленія этнографическихъ манекеновъ для нашего Музея, которыхъ впрочемъ и по настоящее время, благодаря тѣснотѣ помѣщенія Музея, не имѣется.

Представленный теперь въ печати трудъ покойнаго И. В. Соколовскаго говоритъ лишь въ подтвержденіе высказанной мною увѣренности. Но я, какъ оказалось, ошибся, взявъ на себя дѣлать заключеніе о состояніи здоровья молодого талантливаго ученаго: второй отчетъ И. В. Соколовскаго, на мой взглядъ, представляется слабѣе теперь напечатаннаго. Я не могъ объяснить себѣ тогда причины ослабленія въ научной производительности покойнаго. Объясненіе тому вскорѣ дано было страшно-осязательнымъ образомъ: въ августѣ 1880 года мнѣ принесли извѣстіе, что И. В. Соколовскій возвратился изъ Москвы и находится въ ненормальномъ состояніи здоровья; я немедленно отправился въ его квартиру въ университетѣ и нашелъ къ крайнему моему прискорбію подтвержденіе справедливости этого извѣстія: Иванъ Владиміровичъ стоялъ посреди комнаты передъ не распакованнымъ своимъ чемоданомъ и, повидимому, узнавъ меня, тѣмъ не менѣе не измѣнилъ своего стоячаго положенія, которое сохранялъ, по свидѣтельству его

сосѣдей, неизмѣннымъ въ теченіи сутокъ, и на всякіе мои вопросы не отвѣчалъ ни слова. На другой день онъ самъ явился въ моей квартирѣ и, молча, подалъ бумагу, въ которой проектировалъ выстроить къ Музею пристройку на воздухѣ. Я попросилъ его итти въ Музей подѣ тѣмъ предложомъ, что его проектъ требуетъ, предварительнаго исполненія его, составленія смѣты и плана, причемъ ему быть необходимо въ Музеѣ. вмѣсто архитектора и членовъ правленія университета въ Музеѣ оказался докторъ, нынѣ проф. Н. И. Студенскій. Этотъ послѣдній, осмотрѣвъ больнаго, стоявшаго, какъ истуканъ у двери, и ни на одинъ вопросъ ничего не отвѣчавшаго, утвердительно сказалъ, что у него сильное и едва ли поправимое психическое разстройство. На основаніи формальнаго свидѣтельства его въ этомъ смыслѣ, я получилъ отъ тогдашняго ректора, покойнаго Е. Г. Осокина, предложеніе озаботиться помѣщеніемъ больнаго въ центральную казанскую лѣчебницу для психически больныхъ, что мною и было выполнено послѣ многихъ хлопотъ и затрудненій, которыя выходили со стороны больнаго, не желавшаго никакъ отойти отъ своего чемодана. Раза два я навѣщалъ его въ жилищѣ скорби и страданія, но онъ уже не узнавалъ меня, какъ и другихъ своихъ знакомыхъ и даже родныхъ. Только подѣ конецъ своего недолговременнаго пребыванія въ этомъ домѣ, гдѣ къ умопомѣшательству его присоединилась скоротечная чахотка, онъ пришелъ въ сознаніе и вскорѣ послѣ обнаруженія этого сознательнаго состоянія (30 октября) скончался.

Миръ праху твоему одинъ изъ лучшихъ и любимѣйшихъ моихъ учениковъ и товарищей потомъ!

Заслуж. проф. *Н. Ойрсовъ.*

24 марта
1890 года.

Вопросъ о положеніи обрабатывающей промышленности въ Россіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія, не смотря на всю важность его, недостаточно еще, какъ мнѣ кажется, разработанъ въ нашей наукѣ. До сихъ поръ большинство специальныхъ изслѣдованій по промышленности направлялось только въ области, близко соприкасающіяся съ нимъ. Трудъ проф. Аристова „Промышленность древней Руси“ (СПБ. 1866 г.), не смотря на полноту собранныхъ имъ данныхъ по всѣмъ родамъ промышленности, ограничивается преимущественно древнѣйшимъ періодомъ Русской исторіи. „Очерки торговли Московскаго государства въ XVI и XVII ст.“ Н. И. Костомарова (СПБ. 1862 г.) и „Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской внѣшней торговлѣ и промышленности съ половины XVII по 1858 г.“ въ 3 т. г. Семенова, какъ показываютъ отчасти и самыя заглавія, посвящены главнымъ образомъ вопросамъ, касающимся передаточной промышленности, торговли. Последній трудъ впрочемъ во всякомъ случаѣ имѣетъ значеніе и для исторіи обрабатывающей промышленности въ Россіи, какъ первый опытъ систематизаціи въ хронологической послѣдовательности правительственныхъ распоряженій по вопросу о промышленности, изданныхъ въ теченіе послѣднихъ 200 лѣтъ, насколько знакомить насъ съ этимъ полное собраніе законовъ. Рядомъ съ указанными изслѣдованіями шли и идутъ работы, посвященныя изученію положенія земледѣльческаго класса, какъ напр. И. Д. Бѣльева „Крестьяне на Руси“ (М. 1860), К. П. Побѣдоносцева „Историческія статьи и изслѣдованія“ (СПБ. 1876) и появляющіяся съ недавняго времени въ разныхъ журналахъ замѣчательныя статьи молодаго ученаго В.

И. Семевского. Занимаясь историческими судьбами всего вообще русскаго крестьянства, изслѣдователи касались обыкновенно вскользь и того отдѣла его, который былъ поставленъ въ особыя спеціальныя условія, дѣлавшія его чѣмъ-то среднимъ между крестьяниномъ, земледѣльцемъ и промышленнымъ рабочимъ, т. е. отдѣла заводскихъ крестьянъ. Только г. Семевскій въ своей статьѣ „Горнозаводскіе крестьяне на Уралѣ“ представилъ первый оригинальный и заслуживающій полнаго вниманія опытъ, съ замѣчательной полнотой обрисовывающій положеніе въ Екатерининскую эпоху уральскаго крестьянина полу-земледѣльца и полу-заводскаго работника. Но если въ нашей литературѣ не встрѣчается отдѣльныхъ сочиненій, исключительно посвященныхъ вопросамъ о состояніи обрабатывающей промышленности въ Московской и Петровской Руси и о положеніи класса занятаго промышленнымъ трудомъ, то нельзя сказать, чтобы въ ней не было работъ, посвященныхъ исторіи развитія отдѣльныхъ отраслей промышленности. По исторіи горнаго промысла имѣется не одно изслѣдованіе. Наконецъ въ нашей литературѣ были и опыты специально по исторіи промышленности за первую половину XVIII в. или точнѣе за первую четверть его. Вызвало ихъ въ свѣтъ желаніе оцѣнить преобразовательную дѣятельность Петра Великаго въ этой сферѣ народной жизни.

Еще въ умахъ ближайшихъ современниковъ Петра, а потомъ и поздѣйшаго потомства перемѣны, произведенныя этимъ государемъ въ русской промышленности, вызывали въ большинствѣ только чувства удивленія. Передъ величіемъ заслуги введенія въ Россію фабрикъ и заводовъ единодушно превлевались даже ученые противоположныхъ направленій въ науку, не сходяшіеся по другимъ вопросамъ. Давно уже привыкли сопоставлять съ одной стороны древнюю Русь съ ея мелкими „промыслишками“ и „ремеслишками“, лишенную крупныхъ заведеній развитой промышленности, съ другой—Россію XVIII вѣка, постепенно покрывавшуюся заводами, фабриками и мануфактурами, и отдавать предпочтеніе послѣдней. Первый же и сильный толчекъ въ этомъ направленіи данъ русской промышленности могучей рукой Царя-работника; его многочисленныя распоряженія вызывали къ жизни заводъ за заводомъ, фабрику за фабрикой; онъ оставилъ послѣ своей смерти организованный ремесленный классъ и слишкомъ 200 фабрикъ и заводовъ. Такого рода взгляды высказываются во

множествѣ указовъ и въ другихъ законодательныхъ памятникахъ Петровскаго и послѣдующаго времени, а также въ трудахъ Кирилова, Татищева, Голікова и др. На основаніи матеріаловъ, собранныхъ послѣднимъ, и данныхъ „Полнаго собранія законовъ“ такихъ же мнѣній держался и извѣстный писатель А. Н. Афанасьевъ, впервые съ особеннымъ вниманіемъ остановившійся на преобразованіяхъ Петра въ разсматриваемой нами области въ своей статьѣ „Государственное хозяйство при Петрѣ Великомъ“, помѣщенной въ 6 и 7 кн. „Современника“ за 1847 г. Авторъ этой статьи придаетъ чрезвычайно важное значеніе Петровской реформѣ въ разсматриваемой области. Она въ его глазахъ не простая реформа, а быстрый творческій процессъ созданія для страны изъ ничего ремесленной и мануфактурной промышленности съ разнообразными формами и содержаніемъ. До Петра, по его мнѣнію, существовали только земледѣльцы - ремесленники, самыя же ремесла „преимущественно удовлетворяли однимъ первымъ, неизбѣжнымъ потребностямъ (плотники, каменщики, кузнецы и т. п.) и поддерживались однимъ навыкомъ, рутинной, привычкой и наслѣдственностью ремесла въ семействахъ, а не специальнымъ техническимъ изученіемъ. Оттого не было ни развитія, ни усовершенствованія ремесла въ тогдашней Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ мы знали и мало и худо, а другихъ и совсѣмъ не знали“¹⁾. Введеніемъ новыхъ началъ въ промышленную политику, организаціей особаго ремесленнаго класса и тѣмъ, что онъ сдѣлалъ доступнымъ для него необходимыя техническія познанія, Петръ сообщилъ движеніе ремесленной промышленности на цѣлое столѣтіе. На русской почвѣ водворяются и успѣшно развиваются небывалыя до сихъ поръ или улучшенныя ремесла. Афанасьевъ повидимому склоненъ думать, что и кустарныя промыслы сель Лыскова и Павлова, перваго— извѣстнаго тогда своими рѣзчиками, столярами, иконописцами, и втораго—слесарями, сапожниками и рукавичными мастерами, обязаны своимъ появленіемъ дѣятельности Петра Великаго. Не меньшее значеніе имѣетъ послѣдняя и для мануфактурной промышленности. Здѣсь, по его словамъ „Петръ является преобразователемъ, нововодителемъ и творцомъ. Почти не встрѣчая до него фабрикъ и заводовъ въ Россіи (зачатки были и

¹⁾ Афан. «Совр.» 18 47, № 7, 127.

до Петра, но большею частію слабые и безуспѣшныя), мы послѣ него находимъ *двести тридцать три* казенныхъ и частныхъ фабрики и завода. Разнообразіе предметовъ новозаведеннаго мануфактурнаго производства, и это, по времени, значительное число ясно свидѣтельствуютъ, какъ былъ широкъ планъ Петра. Онъ хотѣлъ перенести на русскую почву мануфактурную дѣятельность въ полномъ и цѣлостномъ ея объемѣ и много успѣлъ въ этомъ¹⁾. Помимо общаго плана, чрезвычайно важна заслуга Петра Великаго еще и въ томъ отношеніи, что со времени его реформы въ области государственнаго хозяйства стали придерживаться теоретическихъ принциповъ, замѣнившихъ почти исключительное господство безсознательнаго обычая и привычки. Подобнаго рода взгляды высказываетъ и М. И. Семеновскій въ своемъ небольшомъ „Очеркѣ управленія мануфактурной промышленности отъ Петра I до Екатерины II“, помѣщенномъ въ „Журналѣ Министерства Нар. Просв.“ за 1859 г. „Русь до Петра I“, говоритъ онъ, „продолженіи 900-лѣтняго существованія почти бездѣйствовала на поприщѣ промышленности вообще и мануфактурной въ особенности. Мануфактуры, фабрики и заводы до Петра, если и встрѣчаются, то въ такомъ ничтожномъ числѣ, сравнительно съ народонаселеніемъ и пространствомъ Россіи, что это даетъ намъ возможность предположить, что техническая промышленность въ тѣсномъ смыслѣ слова едва только зарождалась“. Геніальная заслуга Петра состоитъ и въ томъ, какъ высказалъ это еще раньше проф. Ивановъ, что онъ не только учреждаетъ у насъ разнообразныя фабрики, поддерживаетъ ихъ привилегіями, но и возбуждаетъ духъ предприимчивости, стремится обезпечить производство вѣрнымъ и скорымъ сбытомъ посредствомъ заграничной торговли²⁾.

Преобладаніе только что приведенныхъ мнѣній въ литературѣ о реформѣ Петра въ промышленной сферѣ соотвѣтствуетъ по времени періоду полнаго господства покровительственной системы въ русской государственной жизни и почти безусловнаго преклоненія передъ фабричными формами производства въ правительственныхъ и общественныхъ сферахъ. Съ теченіемъ времени отношеніе нашей литературы къ интересующему насъ вопросу стало измѣняться. По крайней мѣрѣ

¹⁾ Афан. «Совр.» 1847, № 7, 1—2 стр.

²⁾ Ж. М. Н. Пр. Т. III, стр. 193, 195.

появились въ ней мнѣнія, рѣзко противорѣчащія прежнимъ въ вопросѣ о цѣляхъ и средствахъ промышленной политики Петра.

Крестьянская реформа, выдвинувшая съ конца пятидесятихъ годовъ на первый планъ вопросы о положеніи крестьянскаго хозяйства, о народномъ благосостояніи вообще, затронувшая интересы всѣхъ классовъ общества, вызвала, какъ извѣстно, цѣлую обширную литературу, посвященную изученію экономическаго быта нашего народа. Правительственныя, а потомъ земскія учрежденія и частныя лица усиленно занялись собираніемъ необходимыхъ для того статистическихъ и другихъ данныхъ о народномъ хозяйствѣ, пытались на основаніи ихъ прийти къ тѣмъ или другимъ практическимъ выводамъ при помощи малозвѣстной еще у насъ въ то время, но скоро обратившей на себя общественное вниманіе науки, политической экономіи. Въ это то время между прочимъ постепенно становился на довольно видное мѣсто и вопросъ объ оригинальной формѣ нашей промышленности—кустарныхъ промыслахъ, до сихъ поръ изрѣдка и случайно затрагиваемый. Въмѣсто прежнихъ отдѣльныхъ и рѣдко попадавшихся въ правительственныхъ и частныхъ изданіяхъ свѣдѣній, появилось въ нашихъ статистическихъ изданіяхъ отдѣлы, специально пополнявшіеся матеріалами по кустарной промышленности, статьи и изслѣдованія, старавшіяся выяснитъ ея значеніе для народнаго хозяйства. Заслуженную извѣстность въ этомъ отношеніи приобрѣлъ трудъ А. К. Корсака „О формахъ промышленности вообще и о значеніи домашняго производства (кустарной и домашней промышленности) въ западной Европѣ и Россіи“ (М. 1861 г), гдѣ онъ путемъ сравнительнаго изученія нашей мелкой промышленности съ западно-европейской, пользуясь обширнымъ знакомствомъ съ иностранной литературой по этому предмету, а также и съ русской, старался опредѣлять мѣсто, занимаемое кустарной промышленностью между другими формами производства въ настоящемъ и прошломъ и критически оцѣнить ея выгодныя и невыгодныя стороны. Не менѣ важную заслугу въ этомъ вопросѣ оказалъ и появившійся въ началѣ семидесятыхъ годовъ трудъ кн. Мещерскаго и Мадзолевскаго „Сводъ матеріаловъ по кустарной промышленности“, какъ первый опытъ систематической группировки, въ сжатомъ изложеніи, массы данныхъ о кустарной промышленности, разбросанныхъ въ періодическихъ изданіяхъ и хозяйственно-статистическихъ.

описаніяхъ разныхъ мѣстностей и вообще въ источникахъ зачастую малоизвѣстныхъ и не всегда доступныхъ. На основаніи только этихъ двухъ трудовъ, не говоря про другія второстепенныя работы, явилась возможность составить себѣ приблизительное понятіе о той видной роли, какую по размѣрамъ производства и по количеству занятыхъ рукъ играетъ мелкая промышленность въ нашемъ народномъ хозяйствѣ. Она пріобрѣла горячихъ и даровитыхъ сторонниковъ въ литературѣ, которые не только признаютъ за несомнѣнное ея важное значеніе для народнаго хозяйства, но видятъ въ этомъ настоящемъ и прошломъ русскаго народа всѣ необходимыя данныя для того, чтобы ожидать и въ будущемъ могучаго размаха русской народной жизни отъ устройства мелкихъ промысловъ на артельномъ и общинномъ началахъ. „Нужно развить“, говоритъ одинъ изъ нихъ, „на почвѣ русской поземельной общины, на ряду съ земледѣліемъ, возможно выгоднѣйшіе виды и способы мануфактурной промышленности при помощи артельнаго начала“ ¹⁾. Широкое распространеніе этой формы промышленности, задатки жизненности объясняются, по мнѣнію автора, тѣмъ, что это явленіе самобытное, имѣетъ корни въ самомъ строѣ нашей страны и въ характерѣ народа. Разматривая современное состояніе и проблематическое будущее русской кустарной промышленности, сторонники останавливались и на ея прошломъ, историческихъ условіяхъ, при которыхъ она возникла и развивалась. Здѣсь ихъ поражало полное отсутствіе правительственной и общественной инициативы и поддержки этой формы народнаго труда въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія, такъ что создателемъ ея былъ самъ народъ. Явленіе это не занесенное, а самобытное, законодательныя же мѣры правительства почти всегда направлялись исключительно на покровительство заводской и фабричной промышленности, что нельзя не считать одностороннимъ.

Разбирая въ частности промышленную политику Петра Великаго, Корсака и Ч—въ находятъ ее направленной также исключительно въ сторону крупной мануфактурной промышленности, а потому односторонней и не народной. Чтобы познать читателя съ ихъ взглядами, я приведу нѣсколько выдержекъ изъ того и изъ другаго. „Самое важное условіе для развитія фа-

¹⁾ А. Н. Ч—въ, *Мелкая промышленность въ связи съ артельнымъ началомъ и поземельною общиною*. Вестъда 1871. т. V.

бричной промышленности въ странѣ есть подготовка значительной части пародонаселенія къ роли искусныхъ и дешевыхъ работниковъ... Россія въ эпоху Петра находилась въ положеніи далеко неблагоприятномъ для введенія въ ней фабричнаго или мануфактурнаго способа производства. Петръ между тѣмъ хотѣлъ перенести на русскую неподготовленную почву мануфактурную дѣятельность въ полномъ и цѣлостномъ ея объемѣ. Онъ разомъ захотѣлъ ввести у насъ почти всѣ отрасли промышленности, существовавшія въ то время на западѣ. Въ одно и то же время нужно было и готовить работниковъ, и основывать фабрики, и открывать сбытъ для ихъ произведеній. Средства, которыя избралъ Петръ для выполненія своихъ плановъ, заключались большею частію въ тѣхъ мѣрахъ и той регламентаціи, которыя были произведеніемъ меркантилизма на западѣ. Но если необыкновенными льготами и привлекались къ мануфактурамъ туземные и иностранные капиталы, а охранительная и запретительная системы обеспечивали имъ внутренній сбытъ, то была и причина, очень существенная, замедлявшая размноженіе фабрикъ и мануфактуръ, это—отсутствіе ремесленного сословія. „Патріархальная домашняя промышленность, запиравшая собою досуги поселянъ, не могла образовывать искусныхъ фабричныхъ работниковъ и по своей организаціи далеко не гармонировала съ фабриками. Самый прямой и естественный переходъ къ фабричной и мануфактурной формѣ производства въ этомъ случаѣ долженъ бы, по нашему мнѣнію, состоять въ соответственной *организаціи тѣхъ мѣстныхъ и наиболее распространенныхъ промысловъ, издѣлій которыхъ и прежде имѣли довольно обширный сбытъ.* Тѣ же ссуды, тѣ же жертвы правительства, которыя оно дѣлало для обогащенія отдѣльныхъ лицъ, по большей части бывшихъ до сихъ поръ совершенно чуждыми промышленности, оно могло бы обратить на цѣлыя села, деревни и города, которыя съ давнихъ временъ славились той или другой вѣтвью промышленности; вмѣсто того, чтобы простыхъ сельскихъ ремесленниковъ, которые до сихъ поръ работали на продажу въ свободное время самостоятельно, дѣлать фабричными работниками, было бы гораздо лучше сдѣлать ихъ самихъ фабричными предпринимателями,—и вмѣсто того, чтобы строить на счетъ казны фабрики и отдавать ихъ потомъ купцамъ и помѣщикамъ, не лучше ли было бы отдавать ихъ цѣлымъ мѣстностямъ, которыя были заняты тѣмъ же промысломъ при помощи домашнихъ простыхъ орудій? Имъ не

доставало только правильной организаціи, усовершенствованных приѣмовъ и умѣнья, усовершенствованныхъ орудій и машинъ“. Слѣдовало бы прежде всего обратиться къ живымъ народнымъ силамъ и имъ дать возможность къ дальнѣйшему развитію; новая же форма промышленности была рѣшительно противоположна всѣмъ народнымъ привычкамъ и формамъ жизни. Чтобы добыть рабочихъ, Петръ беретъ за насильственную мѣру, по духу которой промышленность становится цѣлью, а человекъ средствомъ для нея—приписку крестьянъ къ фабрикамъ. „Основанныя по большей части на трудѣ не свободномъ, наши первыя фабрики и мануфактуры имѣли еще другой невыгодный для успѣховъ промышленности характеръ, характеръ монополіи. Монополія давалась самимъ правительствомъ исключительно большимъ заведеніямъ ко вреду малыхъ. Благодаря привилегіямъ и монополіямъ домашняя крестьянская промышленность мало выиграла отъ введенія фабрикъ и мануфактуръ ¹⁾. Мнѣніе Корсака нашло себѣ сторонника въ авторѣ статьи „Мелкая промышленность и проч.“, помѣщенной въ „Бесѣдѣ“. Ч—въ, послѣ краткаго обзора прошлаго русской промышленности, приходитъ почти къ тождественнымъ заключеніямъ относительно значенія Петровской реформы. „Во времени реформы Петра“, говоритъ онъ, „у насъ сложилась самобытная форма народной промышленности, отличительными чертами которой былъ сельскій характеръ и распространеніе однородныхъ занятій въ цѣлыхъ округахъ. Петръ ясно понималъ значеніе обрабатывающей промышленности для Россіи и для развитія ея принялъ энергическія мѣры, но, пренебрегну самобытными, хотя и несовершенными начатками народныхъ мануфактуръ, онъ вмѣсто того, чтобы воспитать эти зародыши, вздумалъ сразу въ готовомъ видѣ перенести на русскую почву фабричный способъ производства, который такъ увлекъ его во время путешествій по Европѣ. Между тѣмъ привывшее къ вольному труду, воспитанное среди условій патріархальнаго быта, достаточно обезпечиваемое заработками доморожденнымъ промысломъ, русское сельское населеніе естественно обнаружало отвращеніе къ фабричной работѣ. Впрочемъ крутыя мѣры правительства, основаніе казенныхъ фабрикъ, всевозможныя привилегіи основателямъ фабрикъ, запрещеніе вывоза многихъ

¹⁾ Корсакъ, *О формахъ промышленности*, стр. 124—132.

сырыхъ продуктовъ, ограниченіе ввоза иностранныхъ фабрикатовъ, искусственное привлеченіе иноземныхъ капиталистовъ, приписка къ фабрикамъ крестьянъ, хотя насильственно, путемъ труднаго болѣзненнаго процесса, не привили къ русской жизни фабричную промышленность. Фабрики и заводы сосредоточились около столицъ. Уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Москвѣ считалось 167 фабрикъ и 172 завода¹⁾.

Привода различныя взгляды на значеніе Петровской реформы въ области русской обрабатывающей промышленности, не бесполезнымъ будетъ замѣтить, какъ относится къ этому вопросу историкъ, такъ много сдѣлавшій вообще для исторіи эпохи преобразованія, г. Соловьевъ. Къ сожалѣнію, въ его „Исторіи Россіи“, такъ много пролившей свѣта на время и личность Преобразователя, измѣненіямъ, происшедшимъ въ области обрабатывающей промышленности, отведено ограниченное мѣсто. Сообщая новыя фактическія данныя по этому вопросу, добытыя имъ изъ архивовъ, историкъ какъ бы устраняется самъ отъ оцѣнки направленія промышленной политики Петра, считая достаточнымъ выдвинуть на первый планъ взгляды на это дѣло самого Петра, насколько видны они изъ его указовъ, и отмѣтить общіе результаты неустанной преобразовательной дѣятельности. „Правительство *дѣлало все*, чтобы поощрять къ устройенію фабрикъ и заводовъ“, говорится въ одномъ мѣстѣ „Исторіи Россіи“. „Не смотря на всѣ препятствія, число фабрикъ и заводовъ въ концѣ царствованія Петра простиралось до 233“²⁾.

Вотъ къ какимъ разнообразнымъ, можно сказать противоположнымъ выводамъ пришли наши ученые въ вопросѣ о значеніи Петровской реформы для русской обрабатывающей промышленности. Однако при всемъ различіи вышеизложенныхъ мнѣній, въ нихъ нельзя не замѣтить въ большей или меньшей степени выраженнаго удивленія передъ могущественной силой самого Преобразователя. Всѣ согласны, что фабричная и заводская промышленность обязана своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ и прежде всего Петру Великому: ему принадлежитъ инициатива дѣла, планъ и широкое участіе въ исполненіи его; имъ положено настолько прочное основаніе дѣлу, что дальнѣйшее существованіе и развитіе обезпечивалось на долгое время.

¹⁾ А. Н. Ч—въ, *Мелкая промышленность* Бесѣда 1871, т. V, стр. 194.

²⁾ Соловьевъ, *Исторіи Россіи*, XVIII т. 171 и 173 стр.

Такимъ образомъ изъ однихъ только вышеприведенныхъ общихъ мнѣній можно почти безошибочно придти къ заключенію, что вопросъ о состояніи русской обрабатывающей промышленности въ первой половинѣ XVIII в. не достигъ еще въ наукѣ того положенія, чтобы такъ или иначе рѣшить его положительно. Желая по возможности способствовать разъясненію его, я во время занятій моихъ въ Москвѣ старался нѣсколько ближе познакомиться какъ съ прежними работами по нему, такъ и пополнить свои свѣдѣнія новымъ фактическимъ матеріаломъ.

При этомъ считаю не лишнимъ оговориться, что первые мѣсяцы мнѣ пришлось только ориентироваться въ матеріалѣ, а познакомиться ближе съ разными сторонами вопроса я могъ далеко не въ такой полнотѣ, какая была бы желательна для меня. Отсюда неминуема нѣкоторая отрывочность въ изложеніи добытыхъ мною фактическихъ данныхъ. Впрочемъ я не теряю надежды восполнить недостающее при дальнѣйшихъ моихъ занятіяхъ въ томъ же направленіи.

Прежде всего я постарался сгруппировать имѣющіяся у меня данныя, показывающія, въ какихъ мѣстностяхъ, какого рода и въ какихъ размѣрахъ существовали въ Россіи мелкіе пздѣльные промыслы передъ временемъ появленія Петра и въ первой половинѣ XVIII в.

II

Давно уже замѣчено, что на возникновеніе и развитіе промышленности въ странѣ, на преобладаніе тѣхъ или другихъ отраслей и вообще на ея характеръ несомнѣнно вліяютъ географическія условія страны, ея естественныя богатства. Въ связи съ историческими условіями жизни народа они медленнымъ, но постояннымъ путемъ создаютъ тотъ или другой типъ народнаго хозяйства, развиваютъ въ народѣ склонности и привычки къ особымъ специальнымъ занятіямъ. Подъ вліяніемъ этихъ естественно-историческихъ условій и русской народъ является преимущественно земледѣльцемъ, отчасти скотоводомъ и звѣроловомъ. Рядомъ однако съ добываніемъ продуктовъ животнаго и растительнаго царства развивалась съ давнихъ временъ и обработка ихъ. Справедливо находятъ, что климатъ

и почва Россіи располагали и къ послѣднаго рода занятіямъ. Земледѣльческія работы могутъ отправляться только въ теченіе сравнительно короткаго лѣтняго времени и должны прекращаться почти совершенно на долгіе зимніе мѣсяцы; продолжительная зима съ морозами, глубокими снѣгами и мятелями удерживаетъ населеніе на работахъ около дома и въ домѣ. Охота съ увеличеніемъ населенія и съ истребленіемъ лѣсовъ перестаетъ быть прибыльнымъ занятіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ земледѣльцу приходится искать средствъ къ существованію въ издѣльных промыслахъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда земледѣлемъ онъ не можетъ покрыть всѣхъ нуждъ своего хозяйства, что было не рѣдкостью и въ древней Россіи. Извѣстно, что вслѣдствіе неблагоприятныхъ климатическихъ условій, а также и состава почвы, зачастую болотистой, песчаной или глинистой, нѣкоторыя мѣстности съ давнихъ временъ исторіи, когда земля была еще сравнительно менѣе истощена, чувствовали постоянный недостатокъ въ хлѣбѣ и подвергались периодически-повторяющимся неурожаемъ, доведившимъ до страшныхъ бѣдствій населеніе. Такого рода составъ почвы, присущій въ значительной степени мѣстностямъ сѣверной, сѣверо-восточной и отчасти средней Россіи, и суровость климата — вотъ первыя причины, несомнѣнно способствовавшія возникновенію и развитію не земледѣльческихъ промысловъ. Кромѣ того, постепенное увеличеніе населенія, несомнѣнное развитіе новыхъ потребностей, если не во всѣхъ слояхъ народа, то по крайней мѣрѣ въ классѣ служилыхъ людей, число которыхъ все болѣе возрастало вмѣстѣ съ расширеніемъ предѣловъ государства, развитіе международныхъ сношеній, между прочимъ съ племенами, стоявшими ниже насъ по своей культурѣ, — все это, вызывая сбытъ произведеній издѣльной промышленности, не могло не способствовать и ея развитію. Это краткое указаніе на общія условія, повліявшія на промышленное развитіе страны не рѣшаетъ конечно сложнаго вопроса во всей его полнотѣ о причинахъ, создавшихъ всевозможные роды и виды промышленныхъ занятій народа. Рѣшеніе такого вопроса едва ли не дѣло будущаго, когда съ достаточной подробностью будетъ разработана не только бытовая и экономическая жизнь народа, но и исторія отдѣльных мѣстностей, въ связи съ ихъ естественно-историческими условіями, а также и исторія русской внѣшней и внутрѣнной торговли.

Съ первыхъ страницъ исторіи мы замѣчаемъ уже нѣкоторыя мѣстности, населеніе которыхъ отличалось особенной склонностью въ промышленнымъ занятіямъ, какъ Новгородъ, Псковъ, Владиміръ. Въ послѣдствіи важную роль въ промышленной жизни Россіи заняла Москва. Выгоды ея географическаго положенія въ мѣстности, защищаемой лѣсами отъ губительныхъ татарскихъ набѣговъ, въ центрѣ Великорусскаго племени, невдалекѣ отъ двухъ торговыхъ путей Волги и Оки, при стеченіи счастливыхъ историческихъ условій, въ первые вѣка ея исторіи привлекали въ нее промышленное населеніе, обезпечивая безопасность для его труда и капитала. Сдѣлавшись потомъ центромъ политической, общественной и религіозной жизни Русскаго народа, она стала главнымъ пунктомъ и для его торговой и промышленной дѣятельности. Въ Москвѣ была резиденція царя, патриарха и ихъ дворовъ, тамъ сосредоточивалось все высшее управленіе страной, жили постоянно или пріѣзжали временно служилые люди, за иноземными послами являлись торговцы, черезъ Москву же шли и русскіе товары со всей Россіи, такъ что Москва становится главнымъ складомъ русскихъ и иностранныхъ товаровъ. Изъ другихъ классовъ являлись кто по дѣламъ, кто въ ожиданіи милостей, а иные милостыни. Такое постоянное стеченіе населенія, требованіе болѣе или менѣе постоянное имущественныхъ классовъ вызвало спросъ на трудъ, а потому здѣсь естественно должны были развиться занятія и промыслы, удовлетворяющія разнымъ потребностямъ своего времени. Запросъ на трудъ былъ прежде всего со стороны главныхъ мѣстныхъ потребителей: государева двора и дворовъ московскихъ бояръ и другихъ лицъ служилаго класса. Господствовавшая тогда въ Россіи вотчинная форма хозяйства, при установившемся крѣпостномъ правѣ, давала возможность вотчинникамъ всякаго рода въ широкихъ размѣрахъ пользоваться трудомъ крѣпостнаго работника. Послѣдній не только пахалъ, сѣялъ, собиралъ хлѣбъ, доставлялъ скоть и другіе продукты сельскаго хозяйства для своего владѣльца, вообще кормилъ его, но въ случаѣ надобности обязанъ былъ принимать непосредственное участіе своимъ трудомъ въ выдѣлѣ предметовъ, нужныхъ для домашняго обихода. Вотчинникъ старался извлекать гдѣ бы то ни было возможныя выгоды изъ руководѣльнаго труда и техническихъ знаній и приѣмовъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Они работали на него въ областныхъ вотчинахъ, въ подмосков-

ныхъ и наконецъ въ самомъ главномъ сборномъ пунктѣ жительства вотчинниковъ, въ Москвѣ. Вблизи себя, въ своемъ дворѣ удобнѣе было для вотчинниковъ надзирать за работами, и онъ могъ не стѣсняться временемъ и разстояніемъ при заказахъ работъ, а потому онъ и старался собрать вокругъ себя если не всѣхъ, то лучшихъ изъ крѣпостныхъ ремесленниковъ. Конечно на нужды вотчинниковъ, ихъ семействъ и дворовыхъ могли идти и простыя крестьянскія издѣлія, приславшіяся (какъ увидимъ впослѣдствіи) изъ разныхъ вотчинъ прикащиками, напр. холсты, сукна, деревянная посуда и проч., но они не всегда могли быть пригодными по своимъ качествамъ, да кромѣ того въ деревняхъ и селахъ едва ли и могли приготовить все, что было необходимо тогда въ быту вотчинниковъ, особенно богатыхъ и знатныхъ. Такимъ образомъ во дворахъ вотчинниковъ XVII и XVIII вѣковъ, какъ было и позднѣе, по городамъ, особенно въ Москвѣ, можно было встрѣтить всевозможнѣйшихъ ремесленниковъ, мужчинъ и женщинъ, изъ своихъ, дворовыхъ; они кроили и шили бѣлье, платье, обувь, готовили мебель, домашнюю утварь, вышивали золотомъ и шелкомъ. Въ хоропомъ хозяйствѣ по возможности все должно было быть свое, а не покупное. Идеальнымъ въ такомъ смыслѣ дворомъ въ древней Россіи былъ дворъ государевъ, дворъ перваго и самаго богатаго вотчинника. Обстановка и жизнь этого двора такъ прекрасно и съ такой фактической подробностью описаны въ извѣстномъ трудѣ Забѣлина, что говорить о нихъ вновь было бы излишнимъ, по моему мнѣнію. Такой характеръ носило на себѣ хозяйство и другихъ вотчинниковъ, свѣтскихъ и духовныхъ, хотя и отличалось меньшими размѣрами и не было обставлено такъ обильно и полно, какъ при царскомъ дворѣ.

Рядомъ съ этимъ разрядомъ рабочаго класса, ремесленниками-холопами, напоминающими намъ греческихъ, римскихъ рабовъ-ремесленниковъ, сталъ развиваться въ Москвѣ, въ разсматриваемое нами время другой разрядъ его—промышленные люди, занимавшіеся издѣльными не земледѣльческими промыслами не для удовлетворенія цѣлей отдѣльнаго вотчиннаго хозяйства, а на продажу, для рынка. Потребителями въ данномъ случаѣ являлись преимущественно классы общества, не имѣвшіе средствъ и надобности въ устройствѣ своего хозяйства съ вотчинными порядками, а также и вотчинники, когда они не удовлетворялись почему-либо произведеніями собственныхъ хозяйствъ. Этого рода ремесленники и промышленные люди

вѣроятно составляли значительную часть населенія Москвы; отъ нихъ получили свое названіе мѣстности и слободы столицы. По крайней мѣрѣ въ XVI и XVII вѣкахъ были слободы, населенныя кадашевцами (ткачами полотень), сѣдельниками, овчинниками, гончарами, котельниками, серебряниками, мясниками, хлѣбниками, бронными мастерами, каменщиками, кирпичниками. Одни изъ нихъ занимались въ собственныхъ домахъ и мастерскихъ по разнымъ московскимъ улицамъ, другіе работали въ лавкахъ и шалашахъ, тутъ же и распродавая свои произведенія. Произведенія мѣстной промышленности несомнѣнно продавались и изъ торговыхъ рядовъ серебряниковъ, мѣдниковъ, скорняковъ, пряничнаго, крашениннаго, харчевнаго, суконнаго, свѣчнаго, мыльзаго, домернаго (гдѣ продавались бубны, домры и барабаны), сапожнаго, житнаго, мучнаго, гдѣ жили хлѣбники и калачники и проч. На Красной площади было особое мѣсто, гдѣ женщины торговали издѣліями своей домашней работы ¹⁾. Конечно, не одни только перечисленные нами ремесленники составляли главную массу мастеровыхъ и работныхъ людей Москвы. Многолюдное населеніе столицы, ея торговое значеніе привлекало сюда на болѣе или менѣе продолжительное время не мало и простаго чернорабочаго люда, какъ плотниковъ, каменщиковъ, извозчиковъ, носильщиковъ тяжестей и проч.

Вліяніе такого промышленнаго центра, какъ Москва, должно было отразиться и на мѣстностяхъ, прилегающихъ къ ней. Въ настоящее время, какъ извѣстно, населеніе московской губерніи по преимуществу промышленное, изъ 10 работниковъ 9 занимаются какимъ-либо промысломъ. Такъ, благодаря близости такого громаднѣйшаго склада товаровъ, какой представляетъ изъ себя Москва, явилась потребность въ перевозочныхъ средствахъ, и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ московской губерніи въ значительной степени развился отхожій промыселъ—извозничество, начало которому надо искать въ до-Петровской Россіи. Кромѣ того, одно изъ видныхъ мѣстъ въ промышленности этой губерніи занимаетъ глиняное и фаянсовое производство и приготовленіе фарфоровыхъ издѣлій. Производствомъ такихъ издѣлій славится мѣстность, извѣстная подъ именемъ Гжели,—

¹⁾ Снегиревъ, Москва. Подробное историч. и археологическое описаніе города. Изд. Мартынова. 1875. Т. I, стр. XIX, XXIV, XXIX, XXXIV; Костомарова Очерки торговли моск. государства, въ Совр. (?).

село, носящее это названіе, и до 30 окрестныхъ деревень Бронницкаго и Богородскаго уѣздовъ. Глиняное производство существовало здѣсь и въ семисотыхъ годахъ. Между прочимъ въ нѣкоторыхъ комнатахъ аннегофскаго дворца, построеннаго въ Москвѣ въ 1731 году, полы были выложены гжельскими плитками. Плитокъ было употреблено въ дѣло до 100 тысячъ ¹⁾).

• Не менѣе Московской губ. извѣстны по распространенности въ нихъ промысловъ близкія къ ней губерніи Владимірская, Нижегородская и Костромская. Какъ на одну изъ главныхъ причинъ особенной наклонности въ населеніи многихъ мѣстностей этихъ губерній къ промышленнымъ занятіямъ, указываютъ обыкновенно на скудость почвы, песчаной, каменистой, глинистой или болотистой, не прокармливающей сравнительно многолюдное населеніе.

Въ нынѣшней Владимірской губерніи г. Шуя съ окрестными селеніями стала приобрѣтать значеніе центра промышленнаго края съ конца XVII ст. Въ концѣ этого столѣтія главными промыслами были здѣсь мыловареніе, кузнечество и печеніе хлѣбовъ и калачей. О мыльныхъ варницахъ упоминается въ писцовой книгѣ 1629 г. и въ челобитной одного шуянина, который въ 1622 году „завель у себя варити мылишки“. Изъ подымной грамоты, данной шуянамъ въ 1638 г. Михаиломъ Ѳедоровичемъ, видно, что шуйскіе посадскіе и всякіе жилецкіе люди били царю челомъ на запрещеніе отъ приказныхъ людей топить лѣтомъ избы и мыльни, и хлѣбникамъ, и калашникамъ, и всякимъ харчевымъ людемъ, и кузнецамъ въ кузницахъ дѣлать, и избъ топить не велятъ же, а они-де, посадскіе люди, тѣмъ и кормятся и подати всякія платять, что на торгъ хлѣбы и калачи пекутъ, и кузнечное дѣло дѣлають“. Изъ другихъ грамотъ, сороковыхъ годовъ, видно, что шуяне бывали въ отъѣздѣ „для своихъ бѣдныхъ промыслишковъ“. Раскладывая палаша, они торговали хлѣбомъ, калачами, мясомъ, пирогами. Въ самомъ городѣ, какъ видно изъ одного алта, было 11 кузницъ, но это былъ промыселъ второстепенный, а шуяне болѣе извѣстны въ старину за „калачниковъ“, а мыло ихъ приготовленія называлось въ продажѣ „шуйскимъ“. Въ теченіе остальной половины XVII в. Шуя значительно

¹⁾ Знаніе. 1871, № 3, стр. 234, 239 и слѣд. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ М. А. М. Ю., кн. 2. Гавриловъ. О постройкѣ въ М. сторѣвшаго въ 1753 г. Головинскаго дворца.

измѣнилась въ промышленномъ отношеніи. По крайней мѣрѣ въ началѣ XVIII вѣка въ ней мы видимъ не одни „бѣдные промыслишки“ но и заводы. Жители главнымъ образомъ стали заниматься выдѣлкой кожъ и скорняжнымъ промысломъ, не оставляя и своихъ старинныхъ мыловаренія и кузнечнаго мастерства. По описи бурмистра Носова 1710 года изъ 174 тяглыхъ дворовъ третья часть находилась подъ промышленными заведеніями, изъ которыхъ одни назывались „заводами“, а другіе „избами“. Заводовъ было 16 кожевенныхъ, 11 мыловаренныхъ, 14 сыромятныхъ и 4 мѣдныхъ, котельнаго дѣла и разной мѣдной посуды; избъ 7 скорняжныхъ и 4 рукавичныхъ. Нѣкоторые изъ шуянъ владѣли двумя промышленными заведеніями, а большинство однимъ. По ближайшимъ лѣсамъ около Шуи занимались садкою дегтя и смолы. Изъ описи 1717 года видно, что тогда въ Шуѣ было до 6 дворовъ, занимавшихся иконописью. Такимъ образомъ мы здѣсь встрѣчаемся съ городомъ, населеннымъ мелкими промышленниками, занимавшимся у себя на дому тѣмъ или другимъ промысломъ съ своей семьей и съ немногими работниками, преимущественно конечно одногорожанами. Употребляющееся въ описи слово „заводъ“ едва ли можетъ смущать въ данномъ случаѣ, такъ какъ оно тогда не имѣло еще того смысла, въ какомъ употребляется теперь, и зачастую означало вообще промышленное заведеніе, отъ глагола заводить, начинать какое-либо дѣло, хотя бы и самыхъ ограниченныхъ размѣровъ. Заводы, какъ видно, находились во дворахъ домовъ, а не были особыми зданіями съ своимъ специальнымъ, болѣе или менѣе значительнымъ штатомъ рабочихъ. Да и трудно себѣ представить, принимая во вниманіе число заводовъ, чтобы такой небольшой городокъ, не имѣвшій и 200 тяглыхъ дворовъ, какимъ была Шуя XVII и XVIII в., могъ походить на города позднѣйшаго времени, считающіе десятками свои заводы. Шуяне были не „заводчики“ новаго времени, а простые „мыльники“, „кожевники“, „скорняки“ и проч. Матеріалы для производства закупались на ближнихъ и дальнихъ ярмаркахъ, тамъ же продавался и приготовленный товаръ, или за нимъ пріѣзжали въ Шую покупатели изъ другихъ городовъ. Собранные Борисовымъ въ его „Описаніи Шуи“ акты очень живо рисуютъ условія социальнаго и экономическаго быта, при которыхъ жило промышленное населеніе этого города, такъ и степень умственнаго развитія и характеръ господствовавшихъ въ то время

религіозныхъ вѣрованій, но при всемъ интересѣ, какой имѣють эти данныя, изложеніе ихъ отвлекло бы насъ въ сторону отъ занимающаго вопроса ¹⁾.

Впослѣдствіи Шуя сдѣлалась центромъ мануфактурнаго округа, извѣстнаго по обширнымъ размѣрамъ бумаготкацкаго производства, фабрикаціей ситцевъ, миткалей. Бумаготкачество началось въ селѣ Ивановѣ въ 1751 г. Для насъ интересно, что обширному развитію его въ губерніи предшествовало распространенное въ ней прежде ткачество холста, способствовавшее, по мнѣнію нѣкоторыхъ, быстрому усвоенію жителями и приѣмъ бумаготкацкаго производства по новымъ приемамъ. Суздальскій летописецъ прошлаго вѣка говоритъ про село Иваново: „во ономъ селѣ у обывателей имѣются фабрики полотняныя, на которыхъ штуки разныя ткуть, канфасы, салфетки и проч. тому подобныя, и не токмо на фабрикахъ, но и кромѣ ихъ полотна знатныя строятся и бѣлятъ, которыя полотна и въ другихъ мѣстахъ честь имѣють и множество тѣхъ полотенъ отвозятъ торговые по разнымъ странамъ“ ²⁾. Въ селѣ Дуниловѣ, какъ видно изъ акта 1667 года, еще въ XVII в. занимались выдѣлкою пестрадей и холста и этимъ платили оброки казнѣ. Кромѣ ткачества въ этихъ мѣстностяхъ существовали въ то время и другіе промыслы, напр. ивановцы до половины XVII в. занимались шерстобитствомъ, а дуниловцы до сихъ поръ извѣстны какъ скорняки. Выдѣлкой овчинъ и мѣховъ, промысломъ очень распространеннымъ въ настоящее время въ губерніи, они начали заниматься со временъ Михаила Федоровича, и извѣстная издавна не только въ Россіи, но въ Польшѣ и Бѣлоруссіи дуниловская торговля мѣхами, какъ первоначально, такъ и теперь, была закупкой сыраго матеріала для обработки и продажей выдѣланнаго ³⁾. Жители села Тейкова изстари были красильщиками. Такъ между прочимъ въ актѣ 1672 года разсказывается о похищеніи разбойниками съ разграбленнаго ими струга шелка и красокъ на 47 ¹/₂ р., которые везли съ марьяевской ярмарки крестьяне села Тейкова. Село Харитоново,

¹⁾ Борисовъ *Описаніе города Шуи и ея окрестностей съ приложеніемъ старинныхъ актовъ*, стр. 283, 292, 282, 68, 2 65, 277, 70, 61—62.

²⁾ Тамъ-же, 151; Мещерскій и Мадзюлевскій, *Сводъ матеріаловъ* 420, 346.

³⁾ Борисовъ, *Опис. Шуи* 156; Мещерскій и Мадзюлевскій, *Сводъ мат.* 429, 88, 92, 94.

шуйск. у. извѣстно приготовленіемъ косъ. Кузнечное мастерство въ этомъ селеніи существуетъ изстари, по рассказамъ старожиловъ, не одно столѣтіе, наследственно переходя отъ отцовъ къ дѣтямъ. Съ незапамятныхъ же временъ группа деревень въ Шуйскомъ у., волость Мардасть, къ сѣверу отъ Шуи, занимается приготовленіемъ снѣгъ изъ волоса, а село Зименки, на границѣ ковровскаго и шуйскаго у.у. лыковыхъ рѣшетъ ¹⁾. Въ выѣшней Владимірской губерніи существовало съ давнихъ временъ камнетесаніе. Прежде тесаный дикій камень шелъ на постройку домовъ, но со времени замѣны его кирпичомъ многіе оставили это занятіе, такъ что въ немногихъ мѣстахъ выдѣлываются только памятники и жернова ²⁾.

Лѣсковая борьба съ лѣсами, расклевшимися по всѣмъ громаднымъ пространствамъ сѣверной и средней Россіи, которая проходила русскій народъ, выработала въ немъ умѣнье обращаться съ древесными матеріалами. На первыхъ страницахъ лѣтописи встрѣчаемся съ прозвищемъ, даннымъ населенію одного изъ выдающихся нашихъ городовъ—плотниковъ, и цѣлый Русскій народъ въ отличіе отъ сосѣднихъ называется лапотниками. Плетеніе лаптей, приготовленіе посуды для пищи, мѣсъ, чашекъ, тарелей, солонищъ и сосудовъ для питья, братинъ, ковшей и прочей домашней утвари съ давнихъ поръ должно было быть однимъ изъ распространенныхъ промысловъ, благодаря доступности, обилію и дешевизнѣ матеріала. Нѣкоторыя мѣстности въ XVI и XVII столѣтіяхъ славились искусствомъ своей работы. Такъ, извѣстны издѣлія изъ дерева калужскія, гороховецкія и корельскія. Но едва ли гдѣ-либо этотъ промыселъ достигъ такихъ размѣровъ, въ какихъ онъ существуетъ въ наше время въ Нижегородской губерніи, именно въ сѣверной, лѣсистой половинѣ Семеновскаго уѣзда, гдѣ жители издавна занимаются приготовленіемъ ложекъ, чашекъ, блюдецъ и другой деревянной посуды. По статистическимъ свѣдѣніямъ въ губерніи вообще лѣсопромышленностью занято до 60.000 человекъ. Однихъ ложекъ ежегодно выдѣлывается и развозится по всей Россіи подъ именемъ „коржевскихъ“ до 3.000.000 ³⁾. Другой,

¹⁾ Мещерскій и Мадз. 539, 540. Корсакъ, *О формахъ промышленности*. 199, 194.

²⁾ Мещерскій и Мадз. 468.

³⁾ Костомаровъ, *Очерки домашней жизни русскаго народа*. 62; Мещер. II Мадз. 261, 268, 272.

также старинный промысел семеновцев—валялочное производство, шляпно-валялочное и валяно-сапожное. Своими изделиями из войлока, отличавшимися особенной прочностью и чистотой отделки, они славились за полтора вѣка до нашего времени и даже ранѣе. Семеновцы приготовляли особенно хорошо теплую, мужскую и женскую обувь, а недалеко отъ нихъ, въ предѣлахъ нынѣшней нижегородской губ., село Мурашкино съ давнихъ тожъ поръ приобрѣло извѣстность своими мѣховыми изделиями, рукавицами и овчинно-шубнымъ производствомъ. Въ XVII в. Мурашкино было большимъ торговымъ селомъ; въ немъ были ряды сапожный, серебряный, красильный, щепетильный, овощной, хлѣбный, мясной, рукавичный, шапочный, иконный, соляной и рыбный“. Въ 1624 г., при возобновленіи Макарьевской ярмарки, по словамъ одного изъ описателей ея, „лысковское полотно, керженецкая деревянная посуда, заволжскія шляпы и валенки, мурашкинскія рукавицы, тулупы и шапки были первыми товарами, привозимыми на это торжище“. Нѣсколько позже бояринъ Морозовъ, владѣвшій обширными вотчинами въ Нижегородскомъ краѣ, между прочимъ и селами Мурашкинымъ и Лысковымъ, наказывалъ тамошнимъ прикащикамъ, чтобы они прислали къ нему въ Москву въ числѣ другихъ запасовъ, собиравшихся съ его крестьянъ, также епанчей, войлоковъ, подхомутниковъ, холстовъ и „сундуку.“ „Да велѣть бы тебѣ, Полдей, собрать со всѣхъ вотчинъ съ токарей деревянныхъ судовъ, блюды и ставцовъ и братинъ, и яндовъ, и ковшей и ложекъ противъ прежняго... Да со всѣхъ вотчинъ собрать деревянной посуды: 100 блюды сковородчатыхъ красныхъ и на оловянное дѣло: большихъ и среднихъ такожь же, какъ прежде сего имывались, да 20 братинъ красныхъ, 20 среднихъ, 20 поменьше красныхъ, 500 ложекъ, въ какомъ деревѣ дѣлаются, только-бъ онѣ были на корельчатое дѣло“¹⁾. Эти наказы боярина только подтверждаютъ другія свидѣтельства о распространенности указанныхъ промысловъ въ нижегородскомъ краѣ, и кромѣ того знакомятъ насъ съ самыми предметами производства. Такой практически-искусный хозяинъ XVII в., каковымъ былъ Морозовъ, извлекалъ черезъ посредство

¹⁾ Мещерскій и Мадз. *Сводъ мат.* 119 — 120, 126; *Село Большое Мурашкино* Русскій Архивъ 1875, кн. 1, стр. 116; Забѣлинъ, *Большой, бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ*. Вѣстн. Евр. 1871. Т. 1. стр. 32, 33 35—36.

своихъ прикащиковъ изъ хозяйства вотчинныхъ крестьянъ только тѣ выгоды, какія оно непосредственно давало ему. Онъ не сталъ бы обременять своихъ крестьянъ сборами такихъ предметовъ, какіе не было возможности дѣлать самимъ, а пришлось бы покупать, но отбиралъ въ свою пользу все необходимое и по возможности лучшее изъ того, что умѣли выдѣлывать его вотчинные крестьяне. Знаетъ бояринъ, что въ вотчинѣ вяляютъ войлоки, точатъ деревянную посуду, дѣлаютъ сундуки и т. п., и вотъ онъ велитъ собрать съ крестьянъ ихъ издѣлье, указывая иногда точнѣе, какъ нужно „построить“ то или другое, требуя, напр., чтобы крестьяне доставили ему 500 ложекъ, изъ какого бы то дерева ни было, „только-бы онѣ были на корельчатое дѣло“, т. е. извѣстной уже тогда корельской работы.

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ промысловъ Заволжья, тканье рогожь, по рѣкѣ Ветлугѣ достигъ уже извѣстной степени развитія въ началѣ XVIII в., такъ что рогожи стали однимъ изъ предметовъ вывоза за границу; онѣ шли въ Англію, съ которой преимущественно мы и тогда вели торговлю. Въ какомъ количествѣ онѣ отпускались, можно напр. видѣть изъ того, что въ 1730 г. на догрузку кораблей англійскаго консула Варда куплено въ Архангельскѣ 12530 *ветлужскихъ* рогожь, одинаковыхъ, семичетвертныхъ, по 18 р. тысяча ¹⁾).

Знаменитое по развитію въ немъ слесарнаго промысла село Павлово съ округомъ, Горбат. у., русскій Шеффилдъ, въ описываемое время повидимому только начинало пріобрѣтать свою извѣстность. Изъ писцовыхъ книгъ 1621 г. мы впрочемъ узнаемъ скорѣе о томъ, что въ Павловѣ первоначально однимъ изъ выдающихся занятій жителей было кузнечество, если принять во вниманіе довольно значительное для села число большихъ въ Павловѣ кузницъ, именно одиннадцать. Афанасьевъ въ статьѣ о государственномъ хозяйствѣ при Петрѣ Великомъ упоминаетъ со словъ Голикова о селѣ Павловѣ, извѣстномъ тѣмъ, что здѣсь дѣлались замки, ножи и другія желѣзныя вещи, развившіяся тогда по всей Россіи. Во второй же половинѣ XVIII в., въ дѣлахъ временъ генеральнаго межеванія, слесарство въ Горбатовскомъ у. упоминается уже какъ важный промыселъ. Въ это время стали извѣстны маленькіе висячіе мѣдные

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., дѣла сената № $\frac{8}{912}$ л. л. 109, 177 и 178.

замки, приготовленіемъ которыхъ въ громадномъ количествѣ павловцы славились до послѣдняго времени. Авторъ „Извѣстія о торгахъ сибирскихъ“ совѣтуетъ купцамъ возить въ Сибирь между прочимъ „всячіе замки, какъ простые, такъ и маленькіе мѣдные съ павловскихъ заводовъ“¹⁾.

Однородные промыслы въ двухъ селеніяхъ Нижегородскаго уѣзда, въ селѣ Безводномъ, производство проволочныхъ издѣлій, рыболовныхъ удъ, полотна для ситъ и рѣшетъ, и въ деревнѣ Красногорѣ—топоровъ, существуютъ съ незапамятныхъ временъ²⁾.

Развитіе кузнечнаго и слесарнаго дѣла во всемъ Нижегородскомъ краѣ обуславливалось вѣроятно близостью мѣстъ добыванія необходимаго для нихъ матеріала. По словамъ Забѣлина, желѣзнорудное дѣло въ нижегородскихъ мѣстахъ издавна производилось крестьянами. Къ сожалѣнію, изъ переписки боярина Морозова съ прикащиками мы узнаемъ только о двухъ мѣстностяхъ, гдѣ занимались добывавьемъ руды и выдѣлкой изъ нея желѣза въ ручныхъ горнахъ. Крестьяне Макарьевского монастыря на Болгѣ добывали руду изъ болотъ, верстахъ въ 7 отъ монастыря. Мастеромъ у нихъ былъ лысковскій крестьянинъ Федька Боберъ. Въ сутки получалось ими желѣза по семи криць, а изъ каждой крицы по четыре прута желѣза; пруть продавался по 8 денегъ. Такому сообразительному хозяину, какъ Морозовъ, промыселъ крестьянъ показался настолько прибыльнымъ и обещающимъ въ будущемъ такія большія выгоды, что онъ задумалъ отбить у нихъ это дѣло и начать обработку желѣза въ большихъ размѣрахъ, при помощи мастеровъ ивоземцевъ и того же русскаго мастера Федьки Бобра, бывшаго его крѣпостнымъ. Морозовъ разузналъ еще, что въ вотчинѣ Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря, селѣ Рознѣжѣ, было много желѣзныхъ рудъ хорошаго качества и не было только знающихъ дѣло мастеровъ между монастырскими крестьянами, занимавшимися желѣзно-руднымъ дѣломъ. „Мастеришки у нихъ дѣлаютъ желѣзо худше“, такъ отзывались ему объ нихъ. Общественное положеніе Морозова, возможность приложить къ дѣлу большіе капиталы и пользо-

¹⁾ Мещерск. и Мадз. Св. мат. 524; Афанасьевъ О юс. хоз., Собр. 47; № 7, стр. 35 прим. 2; Корсакъ, О формахъ промысл. 186 стр. Ежемесячныя сочиненія за 1955 г. Т. II, 529 стр.

²⁾ Мещер. и Мадз. Сводъ мат. 531, 552 стр.

ваться кромѣ того крѣпостнымъ крестьянскимъ трудомъ подавало ему надежды на достиженіе задуманной цѣли. Какъ она была выполнена, вполне неизвѣстно¹⁾.

Въ старину ткачье холста было самымъ обыкновеннымъ и повсемѣстно распространеннымъ домашнимъ занятіемъ русскихъ женщинъ. Холсты шли и для домашняго употребленія, и на продажу какъ внутри Россіи, такъ и за-границу. Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ это занятіе обратилось въ промыселъ, а самое достоинство работы настолько улучшилось въ нихъ, что онѣ стали выдвигаться изъ ряду другихъ. Такъ упомянуты были выше московская Кадашевская слобода, сплошь населенная ткачами, нѣкоторыя селенія около Шун и село Лысково, какъ мѣстности, издавна славящіяся этимъ промыслами. Но особенно ткачество развилось въ областяхъ, лежавшихъ на Сѣверъ отъ Москвы, въ предѣлахъ нынѣшнихъ Ярославской, Костромской, Вологодской и Архангельской губерній. Въ Ярославской губ. льноводство и ткачество сосредоточивалось главнымъ образомъ около села Великаго. Для окрестныхъ селеній, занятыхъ этимъ промысломъ, село Великое стало „центромъ какъ для сбыта, такъ и вслѣдствіе доброкачественности полотень,—въ немъ были лучшія мастерицы, самыя зажиточныя изъ крестьянъ промышленниковъ, въ немъ устанавливались цѣны на ленъ и полотно, и изъ него же исходили усовершенствованія въ ткачествѣ“. Сѣять ленъ и выдѣлывать холстъ въ с. Великомъ стали съ незапамятныхъ временъ²⁾. При этомъ замѣчательно, что усовершенствованія въ домашнемъ, кустарномъ производствѣ с. Великаго приписываютъ постояннымъ сношеніямъ жителей съ ярославскою полотняною фабрикой, основанной при Петрѣ. Нѣсколько данныхъ, относящихся сюда, встрѣчено было мною впоследствии въ дѣлахъ Моск. Арх. Мин. Юстиціи. Костромская губернія приобрѣла извѣстность еще въ XVI и въ XVII ст. производствомъ холста и полотень; тогда они, кромѣ внутренняго потребленія, вывозились чрезъ Архангельскъ въ Голландію. Окрестности Валдая, Каргополя и нѣкоторыя мѣстности на Двинѣ и Вачѣ отличались этимъ промысломъ во времена Кильбургера. Тогда болѣе 30.000 аршинъ холста вывозилось за границу. Въ волостяхъ Архангельскаго

¹⁾ Забѣлинъ *Большой бояринъ въ вѣч. хозяйствѣ*. Вѣстн. Евр. 1871 т. 1, 485.

²⁾ Мещ. и Мадз. *Сводъ мат.* 355.

у. „производство полотень“ разсказывается въ „Сводѣ“ Мещерскаго и Мадзюлевскаго, „началось со времени Петра I, который, замѣтивъ, что въ Архангельскѣ хорошей ленъ, и что здѣшнее населеніе нуждается въ промыслахъ, въ особенности женщины, выписалъ изъ-за границы мастеровъ, которые обучили население какъ пряденію, такъ и ткачеству. Эти-то подгородные жители Архангельской губ. долго потомъ славились отличнымъ производствомъ пряжи даже въ Петербургѣ“¹⁾). Фактъ интересный во многихъ отношеніяхъ: онъ характеризуетъ отчасти и отношеніе Петра къ кустарнымъ промысламъ и показываетъ, что правительственная поддержка, извѣстнымъ образомъ направленная въ данномъ случаѣ даже въ началѣ XVIII вѣка, могла давать замѣчательные результаты. Что ткачество въ Архангельскѣ въ началѣ XVIII вѣка не было исключительнымъ промысломъ однихъ только подгородныхъ мѣстностей, доказывается, какъ мнѣ кажется, нѣкоторыми сопоставленіями данныхъ изъ начала XVIII вѣка и новѣйшаго времени. Этимъ же сопоставленіемъ указывается и несомнѣнная давность существованія, доходящая по крайней мѣрѣ до начала XVIII в., и нѣкоторыхъ другихъ издѣльныхъ промысловъ сѣвернаго края.

Въ настоящее время тканье холста, пестряди и тонкихъ полотень распространено не въ одномъ только Архангельскомъ уѣздѣ, но и въ другихъ: Пинежскомъ, Меленскомъ, Холмогорскомъ, такъ что на вывозъ со всей губерніи одного полотна идетъ до 100.000 аршинъ, настолько доброкачественнаго, что оно идетъ въ столицу вмѣстѣ съ нитками, которыя поступаютъ для окончательной обработки на фабрики. Другое занятіе жителей, тканье сѣраго и бѣлаго сукна, какъ промыселъ, составляетъ исключительную принадлежность Архангельской губ., преимущественно въ Кемскомъ и Пинежскомъ уѣздахъ ея. „Сукна ткуются сермяжныя и сарженныя (съ пеньковымъ уткомъ, цѣна такихъ суконъ 15—20 к. за аршинъ) на домашнемъ станкѣ; такъ какъ шерсть здѣшнихъ овецъ крупна и жестка, то и сукна изъ нея получаютъ суровыя, грубыя, но ткуются они плотно и прочностью превосходятъ драпы.... многія ткачихи мастерски наводятъ ворсъ и глянецъ на свои сукна; преобладающіе цвѣта суконъ *сѣрый и бѣлый* и дымчатый. За удовлетвореніемъ домашнихъ нуждъ, сукна продаются въ Архангель-

¹⁾ Тамъ же 349 и 359; Корсакъ 118.

ской губ. и даже вывозятся *въ другія* губерніи. Главный пхъ сбытъ бываетъ въ двухъ Пинежскихъ ярмаркахъ, куда привозится до 12.000 сермяжнаго сукна по 30—35 к. за аршинъ. Одна изъ ярмарокъ бываетъ отъ 14 до 25 марта и называется Благовѣщенской. При знакомствѣ моемъ съ рукописями, поступившими въ Румянцевскій музей послѣ покойнаго проф. Бѣляева, между отрывками таможенныхъ книгъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ XVIII ст., встрѣтился мнѣ отрывокъ изъ записной книги гостиннаго двора Важской Благовѣщенской ярмарки 1727 года съ выписями на товары ярмарочной покупки. Судя потому, въ какіе города отпускались товары, и изъ какихъ городовъ были на ней торговые люди, Благовѣщенская ярмарка была одной изъ выдающихся въ то время ярмарокъ сѣвернаго края. Товары шли съ нея съ одной стороны къ морю, къ Архангельску, Кольскому острогу, къ устью Онежскому, въ Холмогоры, съ другой въ среднюю Россію: въ Москву, Ярославль, Кинешму и даже въ сибирскіе и малороссійскіе города. Главнымъ предметомъ торговли были повидимому мѣха и овчины. Одно изъ видныхъ мѣстъ въ выписяхъ, дававшихся на покупные на ярмаркѣ товары, играютъ холсты и сукна. Такъ напр., ярославцу дана выпись на 5 концовъ *суконъ сермяжныхъ бѣлыхъ*, мѣрою 75 аршинъ, по полтинѣ десятою, т. е. по 5 коп. за аршинъ; горожанину до г. Архангельскаго — на 125 концовъ *крашенинъ* толстыхъ и среднихъ, 1000 аршинъ, 20 р., онежанину до устья — Онежскаго на 22 конца хрящу толстаго, 600 арш. и на 13 концовъ *холста тонкаго бѣлаго*, 390 арш.; до г. Архангельскаго 31 конецъ *суконъ овчарныхъ бѣлыхъ*, мѣрою 400 арш., по 6 р. за сто; до Вологды 52 куска суконъ бѣлыхъ 600 арш. по 6 р. за сто; въ Каргополь 24 куска *суконъ бѣлыхъ и сѣрыхъ овчарныхъ*, мѣрою 250 арш. цѣною по 4 р. за сто; до Кольскаго острогу 27 концовъ суконъ овчарныхъ бѣлыхъ и черныхъ, мѣрою 432 арш. по 2 алтына аршинъ. Вообще же изъ этихъ и другихъ выписей на товары видно, что Благовѣщенская ярмарка была одной изъ выдающихся мѣстныхъ ярмарокъ Архангельскаго края, куда свозилось населеніемъ все, что добыто и сдѣлано имъ въ теченіе долгой сѣверной зимы: сукна и холстъ. Наѣзжіе купцы скупали на ней десятками кусковъ и сотнями, даже тысячами аршинъ холстъ разныхъ сортовъ, сукна бѣлыя и сѣрыя и развозили по сосѣднимъ городамъ, а иногда и дальше; часть шла и въ отпускъ за море.

Данныя выписей, какъ мнѣ кажется, сами по себѣ указываютъ, что большинство товаровъ было несомнѣнно мѣстнаго производства, въ томъ числѣ холстъ и сукна. Если еще можно допустить, что на ярмаркѣ могъ быть привозной холстъ изъ мѣстностей близкихъ и славящихся этого рода промышленностью, какъ напр. изъ Ярославля, Кинешмы, то нельзя этого сдѣлать относительно суконъ. Ихъ отпускаютъ и въ Ярославль, и въ Вологду, и въ Каргополь, за предѣлы Архангельскаго края, гдѣ слѣдовательно въ нихъ нуждались. Сравненіе же этихъ таможенныхъ выписей съ тѣмъ, что сообщается о выдѣлкѣ суконъ, какъ о совершенномъ промыслѣ Арханг. края, въ „Сводѣ Мещерскаго“, разъясняя нѣкоторыя подробности производства, несомнѣнно доказываетъ, что промыслы уцѣлѣли въ теченіе полутора вѣка, если не болѣе, какъ бы нисколько не измѣняясь: тотъ же цвѣтъ суконъ, та же сравнительно цѣна, тѣ же рынки для сбыта, та же оптовая продажа.

Изъ привозныхъ на Благовѣщенскую ярмарку товаровъ кустарнаго и можетъ быть даже мѣстнаго производства останавливаются на себѣ вниманіе два: деревянныя ложки и кушаки. Ложки покупались на ярмаркѣ разными купцами тысячами. Такъ, работникъ одного архангелогородца покупаетъ вмѣстѣ съ пятью возами щепнаго товара ковшей и 1000 еленовыхъ ложекъ, за которыя онъ платитъ 2 р. 16 алт. 4 ден., 2000 ложекъ осиновыхъ и прямизинныхъ, по 1 р. за тысячу; другая покупка—2000 ложекъ березовыхъ по 2 р. тысяча. Не были ли послѣдняго сорта ложки извѣстной корельской работы и слѣд. продуктомъ мѣстнаго промысла? Кушаки на ярмаркѣ были шерстяные, овчарные, изъ овечьей шерсти и продавались десятками, десятокъ по 10 алтынъ и по полтинѣ, узкіе шерстяные пояса по 2 алт. десятокъ. Кушаки, судя по матеріалу и цѣнности, очень можетъ быть привезены были на ярмарку изъ Сольвычегодскаго у., нынѣшей Волог. губ., гдѣ въ селѣ Красноборскѣ они выдѣлываются въ настоящее время въ такомъ количествѣ, что не только удовлетворяютъ мѣстному спросу, но вывозятся на Прокопьевскую ярмарку въ г. Устюгъ и чрезъ Ирбитъ въ Сибирь. „Шерсть идетъ преимущественно съ простыхъ доморощенныхъ овецъ. Работа кушаковъ весьма тщательная и искусная, такъ что кушакъ шириною въ 6 вершковъ продѣвается въ перстень. Краски употребляются простыя; узоры нерѣдко грубы, но прочны и не выцвѣтаютъ..... Цѣна кушаковъ отъ 25 к. до 5 р., смотря по отдѣлкѣ и матеріалу“.

Выдѣлка шерстяныхъ кушаковъ, какъ промыселъ, по „Своду“ Мещерскаго и Мадзюлевскаго, существуетъ теперь еще, кромѣ указанной мѣстности, только на Югѣ Россіи ¹⁾).

Холмогорскія издѣлія изъ кости, отличающіяся тонкой и искусной рѣзбой, приобрѣли громкую извѣстность въ прошломъ столѣтіи. Первымъ сѣвернымъ костянникомъ считается зять Ломоносова, но рѣзба изъ кости въ Архангельскомъ краѣ началась едва ли не ранѣе ²⁾).

Городъ Великій Устюгъ съ давнихъ временъ приобрѣлъ извѣстность своими серебряными издѣліями съ чернью, а также филигранными работами. Начало этой промышленности положено нѣмецкими и итальянскими художниками, переселившимися сюда изъ Новгорода и Москвы. Къ сѣверо-западу и къ сѣверу отъ Москвы, въ предѣлахъ нынѣшней Новгородской, Тверской, Костромской и Вологодской губерній, въ разныхъ мѣстностяхъ съ давняго времени существовала разработка желѣза въ ручныхъ горнахъ и развились въ значительной степени кузнечное и слесарное мастерства. Особенно давно возникло добываніе руды въ Устюжнѣ Желѣзнопольской, въ нынѣшнемъ Череповецкомъ уѣздѣ, огромныя болота котораго изобилуютъ желѣзной рудой. На глубокую древность металлическаго производства въ этой мѣстности указываютъ старыя угольныя ямы и старыя горныя долины, находимыя въ мѣстахъ, поросшихъ вѣковымъ строевымъ лѣсомъ. Теперь выдѣлкой гвоздей и вообще кузнечными издѣліями занимаются до 200 селеній Череповецкаго уѣзда, такъ что они вмѣстѣ составляютъ цѣлый промышленный округъ, носящій названіе Уломы (погость Уломскій). Въ 1857 году выковано было 500.000 пудовъ желѣза, гвоздей готовится въ годъ на 1.500.000 р. О существованіи желѣзнаго промысла въ Устюжнѣ Желѣзнопольской въ XVII в. до насъ дошли несомнѣнныя данныя. Тамъ въ началѣ этого вѣка выковывалось для казны не малое число фальконетовъ и пушечныхъ ядеръ. Такъ, въ 1630 г. желѣзнопольскимъ кузнецамъ велѣно было выковать слишкомъ 55 тысячъ ядеръ, въ 1631 году до 63, а въ 1682 году слишкомъ 338 тысячъ. Ядра были различной величины, въ пудъ слишкомъ, въ пудъ и по 4 и по 2 гривенки, крупныя требовались сотнями, а мелкія десятками и сот-

¹⁾ *Рукопись Румянцевскаго музея. Собраніе Бѣляева № 1596, 8.*

²⁾ *Мещерскій и Мадз. Сводъ мат. 155.*

нями тысяч¹⁾. Желѣзнопольскіе кузнецы, выполняя казенные заказы, неминуемо должны были входить въ сношенія съ правительственной властью. Изъ дошедшихъ до насъ отписки мѣстнаго воеводы, Благаго, и челобитной самихъ кузнецовъ, напечатанныхъ Гамелемъ въ приложеніяхъ къ „Описанію Тульскаго завода“, мы знакомимся съ интересными отношеніями, установившимися между государственной властью и общиной ремесленниковъ. Въ 1633 г. пришла къ воеводѣ въ Устюжну государева грамота съ требованіемъ, чтобы устюженскими кузнецами было сдѣлано 100.000 ядеръ, причѣмъ велѣно было ковать ихъ „въ день и ночь на спѣхъ, безъ всякаго мотчанія“. Воевода приступилъ къ выполненію царскаго указа и назначилъ плату за выковку пуда ядеръ, по 20 ядеръ въ пудѣ, 18 алтынъ, какъ платилось имъ прежде. Но на этотъ разъ кузнецы и молотники (молотобойцы?) не согласились и ссылались на поднявшіяся противъ прошлаго года цѣны на желѣзо и уголь, которыхъ они не успѣли заготовить въ достаточномъ количествѣ, вслѣдствіе дурной погоды и за недостаткомъ времени, занятаго выполненіемъ повинности, городского дѣла. Одни впрочемъ по настоянію воеводы сковали ядеръ пудовъ по десяти, но больше не хотѣли вести къ амбарамъ безъ уплаты денегъ, другіе ковали „оплошно“ и отнимались отъ работы, объясняя, что „безъ денегъ имъ ковать нечѣмъ“. Воевода, вѣроятно желая испытать, насколько справедливы доводы кузнецовъ, самъ сдѣлалъ опыты ковки ядеръ изъ покупнаго матеріала поденьщиною. Оказалось, что пудъ ядеръ обходился ему въ 22 алтына и 24 алтына. Тогда онъ рѣшился отписать обо всемъ государю, съ просьбой указать цѣну, какую онъ долженъ дать имъ, и къ своей отпискѣ приложилъ и челобитную самихъ кузнецовъ. Государевы сироты, посадскіе людишки Устюжны Желѣзнопольской, кузнечики Якушка Бѣляевъ да Гапка Безминъ съ товарищи били челомъ государю, что предложенной имъ воеводой платы взять имъ невозможно, подробно объясняя причину этой невозможности. „Желѣзо и уголья дороже стараго прошлаго 140 году. Лѣто и осень, государь, здѣсь мокрое было, руды на криць и лѣсу на уголье мало готовлено, для того что дѣлали городское дѣло“. Въ заключеніе

¹⁾ Гамель, *Описаніе тульскаго оруж. завода въ истор. и технич. отношеніяхъ*, М. 1826. 5.

сироты просили государя пожаловать „прибавить найму, что ты пожалуешь, чтобы, государь, намъ сиротамъ, дѣлаячи твое государево дѣло, въ конецъ не погибнуть и розно не разбрестись“. Въ челобитной приложили руги восемь священниковъ вмѣсто своихъ прихожанъ, а въ концѣ кузнецъ Спирка. Какіе результаты имѣла челобитная, неизвѣстно; только она наводитъ на мысль, что у правительственной власти при Михаилѣ Федоровичѣ не было еще достаточно силы, или она не выработала себѣ еще правила, обычнаго впоследствии—держаться, при расчетахъ съ подданными за ихъ трудъ, постоянной однообразной обязательной платы. Съ своей стороны послѣдніе, не смотря на скромные титулы „кузнечисекъ“ и „сиротъ“, которые они придаютъ себѣ, несомнѣнно шптаютъ надежду, что ихъ просьба будетъ услышана, и потому такъ подробно выясняютъ причины, побуждавшія ихъ не соглашаться на предлагаемую ими плату. Они „не берутъ“ извѣстной платы, „не везутъ“ ядеръ, „куютъ оплошно“, „отнимаются“ отъ работы, словомъ высказываютъ на дѣлѣ серьезно свое нежеланіе тратить даромъ свой трудъ, не смотря на то, что въ царской грамотѣ велѣно ковать „на спѣхъ, безъ мотчанія“. Самъ представитель правительственной власти между ними, воевода Благой, чутокъ къ ихъ просьбамъ, начинаетъ провѣрять ихъ основательность собственными опытами и посылкой своей отписки при ихъ челобитной какъ бы подтверждаетъ справедливость требованій кузнецовъ объ увеличеніи заработной платы. Такимъ образомъ съ одной стороны мы видимъ до нѣкоторой степени значительную самостоятельность при отстаиваніи существеннаго для рабочихъ вопроса о заработной платѣ, съ другой извѣстную долю вниманія къ нему.

Выдѣлка желѣза въ Устюжнѣ не прекратилась и въ послѣдующее послѣ XVII вѣка время; она постепенно развивалась и въ наше время, какъ мы упоминали, достигла значительныхъ размѣровъ, хотя и обратилась на другіе предметы. Добываніе же желѣзныхъ рудъ ручными горнами въ этомъ краѣ существовало въ XVIII в. О немъ упоминается въ „Ежемѣс. сочиненіяхъ“ 1755: „и доннѣ въ Новгородской губерніи въ разныхъ уѣздахъ многіе крестьяне онымъ промышляютъ“¹⁾

Кромѣ Устюженскаго въ XVII в. существовало еще Тихвинское желѣзное производство. Изъ грамоты 1655 г. видно,

¹⁾ *Ежемѣс. сочин.* 1755 г. т. 1, 332.

что тамъ были свои ствольные мастера, свои кузнецы, свои ставочные мастера для дѣланія мушкетовъ. Въ русской торговой книгѣ XVI ст. въ числѣ отпускныхъ за море товаровъ изъ Россіи были *вологодскіе* гвозди, уклады *новгородскій, тихвинскій и корельскій* ¹⁾.

Въ Тверской губерніи, подобно Новгородской, также распространено кузнечное ремесло вообще и въ особенности выдѣлка гвоздей, въ Череповецкомъ уѣздѣ готовится преимущественно гвоздь строевой, тверскіе же и бѣжецкіе кузнецы готовятъ только мелкіе гвозди. Выдѣлка ихъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ издавна составляла почти исключительное занятіе жителей. Желѣзо они могли получать изъ сосѣднихъ мѣстностей, гдѣ занимались добываніемъ желѣзной руды. Въ началѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ ржевскомъ уѣздѣ и въ городѣ Торжкѣ тверской провинціи существовали два желѣзные заводы, и извѣстно, что въ послѣднемъ были „служители, изученные рудокопному и кузнечному промыслу“. Впрочемъ мы знаемъ, что тверскіе кузнецы выдѣлывали гвозди въ значительномъ количествѣ изъ привознаго желѣза, съ Демидовскихъ заводовъ. Въ концѣ 30-хъ годовъ прикащикъ Акинѣя Демидова, привозя въ Тверь на продажу господское желѣзо, отдавали его тверскимъ кузнецамъ, какъ видно, для выдѣлки изъ него гвоздей, за извѣстную плату. Одинъ изъ этихъ прикащиковъ писалъ въ Петербургъ къ довѣренному лицу Демидова Владимірову между прочимъ: „а что мы господское толстое желѣзо изъ Москвы въ продажу въ Тверь привезли и онаго тверскіе кузнецы на дѣло гвоздей не берутъ и онимъ кузнецамъ на толстое широкополосное желѣзо, на осмигранное передъ тонкимъ полоснымъ желѣзомъ прибавливалъ цѣны на каждый пудъ по 10 коп. и они такъ сказали, что до невозможности взять прибавки по 30 коп. И притомъ для вѣрности былъ прикащикъ вашъ Иванъ Манецкой. „Ясно, что здѣсь дѣло шло о большомъ заказѣ, когда прикащикъ находилъ нужнымъ письменно отдать отчетъ о немъ и пригласилъ при составленіи условій „для вѣрности“ другаго прикащика. Самое письмо, въ копіи за № приобщено было къ числу другихъ документовъ, которыми заводское управленіе руководилось при

¹⁾ Мещ. и Мадз. Сводъ мат. 502.

повѣркѣ того, сколько поставлять надлежало и поставлено жельза отъ 1735 до 1740 г. ¹⁾).

Въ Галицкой провинціи, Архангельской губерніи, въ помѣщичьихъ деревняхъ было по словамъ Голикова 274 ручныхъ желѣзныхъ горновъ и молотовъ изъ другихъ мѣстностей сѣверо-западной Россіи; въ одной давно развился колесный промыселъ — въ Муицкомъ посадѣ, селѣ Сольцѣ и въ деревнѣ Солецкомъ Заборовѣ, на р. Шелони. Еще при Иванѣ Грозномъ жители упомянутыхъ мѣстъ были опредѣлены на пушечное станочное дѣло. Изъ грамотъ 1585 и 1678 годовъ видно, что сначала (въ 1585 г.) 40 дворовъ, а въ 1677—67 дворовъ исключительно обязаны были дѣлать для тогдашнихъ пушечныхъ дворовъ въ Новгородѣ и Псковѣ всякіе пушечные запасы, деревянные войлоки и доски на станы, колеса, оглобли, осп, пыжи, кромѣ того жгли орѣховое и липовое уголье къ зеленому дѣлу и все это сами отвозили въ Новгородъ и Псковъ. Въ 1677 г. они жаловались Федору Алексѣевичу, что сверхъ положеннаго съ нихъ ежегодно требуютъ въ Новгородъ еще лишнихъ по 100 саней и дровень, по 100 телѣгъ же, по 200 корытъ, по 200 ночевъ, по 200 лопатъ, по 200 веревокъ въ 13 сажень, по 200 малыхъ топорницъ, по 20 ушатовъ, по 20 ведеръ, по 200 связокъ лыкъ, а въ 1676 г. сдѣлали они еще 1000 топорницъ къ бердышамъ и столько же ратовищъ къ протазанамъ, 1500 лодья къ мушкетамъ. Но кромѣ того нарушились и другія ихъ права и данныя имъ льготы. Обязавшись работать на артиллерию, они были надѣлены землей вдоль рѣки Шелони, освобождены отъ взноса податей и подворной повинности, отъ верстанья съ черными сохами, отъ вѣзда нарочныхъ за дѣлами и отъ всякихъ работъ, кромѣ артиллерійскихъ. Однако на нихъ налагались постепенно новые сборы: полоняночныя деньги по 8 денегъ съ дыму, а именно съ всѣхъ дворовъ сначала по 2 р. 24 алт., а потомъ по 5 р. 24 к., въ пушкарскій приказъ на свѣчи и дрова 3 р., стрѣлцѣй хлѣбъ сначала по четверику, а потомъ по 3 четверика ржи и овса, съ тѣмъ чтобы они сами поставляли ихъ въ Новгородъ и Псковъ. Ихъ заставляли также

(¹⁾ Мещ. и Мадз. *Сводъ мат.*; 497; Моск. Арх. М. Ю., дѣла сената кн. № ⁴/₉₀₈.
 Рукописи Румянцевскаго Музея, Сборникъ указовъ, донесеній и другихъ актовъ 1737—1742 г., относящихся къ желѣзнымъ заводамъ Акинѣя Демидова, въ спискѣ XVIII в., № 848 по кат. рукописей Ундольскаго, сост. Вилгоровымъ, 197 л.

возить припасы въ Москву и даже въ Казань и Астрахань. Видимо, значеніе льготныхъ грамотъ слабѣло и слабѣло, солецкіе колесники отъ такого накладного тягла обѣдняли, многіе отбыли государева дѣла, такъ что оставшіеся рѣшились просить Ѳедора Алексѣевича возстановить прежнія ихъ льготы: И дѣйствительно, ихъ велѣно было вѣдать по жалованнымъ грамотамъ, беречь во всемъ, „чтобъ имъ насильствъ ни отъ кого не было и чтобы отъ обидъ они не разошлись ¹⁾“. Въ XVIII в. солецкіе колесники по прежнему поставляли свои пушечные деревянные запасы, только поступили они подъ вѣдомство уже другихъ учрежденій и чиновъ. Такъ напр., въ 1741 г., какъ видно изъ опредѣленія канцеляріи Главной артиллеріи, въ колесной слободѣ Сольцѣ дѣлалось въ С.-Петербургѣ для полевой и осадной артиллеріи 200 роспусковъ съ колесами, причемъ потребовалось 500 пудовъ желѣза. Для „понужденія въ дѣлѣ тѣхъ роспусковъ и колесъ“ посланъ былъ штыкъ—юнкеръ Штангъ ²⁾.

На Востокѣ Россіи основанію горныхъ заводовъ несомнѣнно предшествовала обработка желѣза въ ручныхъ горнахъ. Въ Казанской губерніи она существовала даже и въ то время, когда на Уралѣ начали дѣйствовать казенные и частные желѣзные заводы; до 1719 г. ихъ было тамъ 36 ³⁾. Одна изъ отраслей мелкой издѣльной промышленности, выдѣлка юфти и сафьяна, вѣроятно возникла въ казанскомъ краѣ очень давно. Въ половинѣ XVIII в. особенно хорошимъ достоинствомъ отличался казанскій сафьянъ или козлиньки, казанская же юфть уступала въ добротѣ московской, ярославской, вологодской, устюжской. Какъ извѣстно, русская юфть въ то время славилась за границей, куда она давно и постоянно вывозилась. Вообще выдѣлка юфти была однимъ изъ повсемѣстно распространенныхъ въ Россіи промысловъ; имъ занимались даже въ сибирскихъ городахъ, въ Тобольскѣ, Тюмени, Томскѣ, въ Иркутскѣ и др. Изъ сафьяна шились и шли въ продажу туфли и ичиги, на нихъ былъ большой спросъ въ средѣ мусульманскаго населенія Востока. Сибирь обязана многими ремеслами шведскимъ плѣннымъ, поселеннымъ тамъ во время великой

¹⁾ Бранденбургъ. Приказъ артиллеріи 347 и прил. XXXI.

²⁾ Руконисъ Румянц. Музея. Сборникъ актовъ до желѣзн. заводовъ Демидова.

³⁾ Поповъ, *Хозяйственное описаніе пермской губерніи*. 1-е изданіе прим. на 193 стр.

сѣверной войны. Нѣкоторые издѣлія ихъ расходились тогда изъ Тобольска по всей Россіи. Отъ нихъ научились ремесламъ и мѣстные жители ¹⁾).

Перейдемъ въ мѣстности, лежація къ Югу отъ Москвы. Здѣсь прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе развитіе кузнечнаго и слесарнаго промысла въ Тулѣ и община тульскихъ кузнецовъ. Данныя по этому предмету заимствованы мною главнымъ образомъ изъ сочиненія Гамеля: „Описаніе Тульского оружейнаго завода въ историческомъ и техническомъ отношеніи“, изданномъ въ М. въ 1826 г. Большая часть этого труда посвящена описанію технического состоянія завода въ 1-ой четверти XIX стол., исторической же отведена сравнительно меньшая часть, предисловіе, но оно написано на основаніи столбцовъ пушкарскаго приказа, заводскаго архива и Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, а что всего важнѣе въ этомъ сочиненіи, такъ это приложенія, гдѣ цѣликомъ помѣщены интересные документы, относящіеся къ первоначальной исторіи тульского и другихъ желѣзныхъ заводовъ.

Близъ бывшаго города Дѣдилова, а нынѣ Дѣдиловской слободы, въ 30 верстахъ отъ Тулы, съ самыхъ давнихъ временъ добывалась руда и плавилась въ ручныхъ горнахъ. Эти ручные горны завелись впоследствии по многимъ деревнямъ нынѣшней тульской губерніи при домахъ крестьянъ, занимавшихся этимъ промысломъ. Изъ добываемаго такимъ образомъ желѣза выковывались въ городѣ Тулѣ, кромѣ мелкихъ издѣлій для домашняго обихода, всякія бронныя и ружейныя вещи. Такъ напр., въ XVI в. дѣлали тамъ самопалы, пищали, копья, а въ концѣ XVII вѣка отсюда поставлялось по опредѣленной цѣнѣ въ казну ежегодно обязательно не менѣе двухъ тысячъ пищалей, а потомъ ружей, и по желанію стволы, замки и даже готовое ружье, въ какомъ количествѣ кто хотѣлъ. Объ общинѣ тульскихъ кузнецовъ едва-ли не первое извѣстіе относится къ концу XVI вѣка, когда царь Ѳеодоръ Ивановичъ велѣлъ для 30 тульскихъ самопальныхъ кузнецовъ по просьбѣ ихъ, отвести оброчную казенную землю для поселенія ихъ въ особой слободѣ, причемъ вмѣсто посадскихъ податей и повинностей наложенъ былъ 10 рублевый оброкъ въ годъ. Впрочемъ впоследствии, при Михайлѣ Ѳеодоровичѣ, самопальники

¹⁾ Корсакъ, *О формахъ промышленности* 120; Ежегѣс. сочин, 1755, Т. I, 331, Т. II, 526.

отъ платежа его были освобождены и кромѣ того уволены отъ постоя. Вѣдали ихъ сначала въ Стрѣлецкомъ приказѣ, потомъ въ Оружейномъ и наконецъ въ Оружейной палатѣ. Воеводы могли судить ихъ только въ разбойныхъ и татейныхъ дѣлахъ. Въ XVII вѣкѣ правительство не только старалось различными льготами поддержать ружейное дѣло въ общинѣ, но и распространить размѣры его привлеченіемъ въ нее новыхъ членовъ. Такъ, въ концѣ этого вѣка оно позволило всякаго рода людямъ, знающимъ кузнечное дѣло, записываться въ оружейникии коленной слободы.

Такимъ же почти образомъ дѣйствовала вначалѣ и правительственная власть при Петрѣ Великомъ въ XVIII вѣкѣ. Она не хотѣла лишать общины прежнихъ привилегій, ни уменьшать численности рабочихъ силъ въ ней. Напротивъ того, когда началась Великая сѣверная война и для войска послѣ первыхъ неудачъ и вслѣдствіе перерыва сношеній съ западной Европой болѣе-чѣмъ когда, либо, оказалось необходимымъ хорошее вооруженіе, Петръ употребилъ всѣ усилія, чтобы имѣвшимися въ Россіи средствами пополнить чувствовавшійся недостатокъ. Въ это время между прочимъ и тульскимъ казеннымъ кузнецамъ велѣно было ежегодно поставлять въ казну 8000 ружей по нѣмецкимъ образцамъ. По этому случаю къ казенной слободѣ велѣно было приписать вольныхъ оружейниковъ, всякаго чина людей, откуда бы они ни были. Новобранцы отданы были въ ученіе искуснѣйшимъ мастерамъ ружейнаго дѣла, а наблюденіе за работами поручено было выдвинувшемуся уже тогда изъ среды тульскихъ кузнецовъ, знаменитому впослѣдствіи заводчику Никитѣ Демидову. Это было первой попыткой со стороны правительства поставить кузнецовъ подъ контроль назначеннаго имъ самимъ лица, чтобы этимъ способомъ усилить казенное производство ружей. Тѣмъ же объясняется и стремленіе ограничить вольную выплавку желѣза ручными горнами въ мѣстностяхъ, прилегавшихъ къ Тулѣ, въ Тульскомъ, Крапивенскомъ и Алексинскомъ уѣздахъ и въ городѣ Серпуховѣ, гдѣ занимались этимъ дѣломъ всякаго чина люди. При выплавкѣ желѣза такимъ способомъ уничтожались въ большомъ количествѣ лѣса, и опасенія, какъ бы могущій появиться вслѣдствіе этого недостатокъ въ углѣ не отозвался вредно на производствѣ ружей, побудили въ 1703 году послать стольника Фатѣя Тютчева въ указанныя мѣстности истребить тамошнія ручныя домны, и только тульскимъ казеннымъ кузнецамъ предоставлено было

право въ своей слободѣ готовить себѣ желѣзо на ружья въ десяти ручныхъ горнахъ. Въ это время Тула должна была поставлять въ казну ежегодно пятнадцать тысячъ фузей и снагъ. Что правительство въ данномъ случаѣ не было вообще противъ самаго способа выплавки желѣза ручными горнами и не руководилось общегосударственными соображеніями о сохраненіи лѣсовъ, а скорѣе желало распространить ружейное мастерство, доказываетъ то, что около этого времени оно переселило для этой цѣли 30 семей тульскихъ кузнецовъ, имѣвшихъ у себя ручные горны, въ мѣстность, гдѣ добывалось желѣзо только ручными горнами, на Устюплу Желѣзнопольскую. Подобно тому оно выслало 170 человекъ ружейныхъ мастеровъ и на вновь построенныя Олонецкія Петровскіе заводы.

Усиленные желанія расширенія размѣровъ ружейнаго производства, объясняющіяся увеличеніемъ численности арміи, повліяли вскорѣ и на самыя отношенія правительства къ общинѣ. Въ 1705 году правительство задумало введеніемъ особой организаціи поставить ее подъ большой и строгій контроль. Въ этомъ году, по указу Государя, данъ былъ особый наказъ старостѣ Тульской слободы Максиму Мосолову, излагающій права и обязанности какъ его самого, такъ и вообще кузнецовъ и жителей слободы. Сущность его въ слѣдующемъ. Во главѣ общины поставлены были выборные всѣми жителями слободы, отъ перваго до послѣдняго, староста съ товарищами. Главнѣйшей обязанностью ихъ было успешное наблюденіе за исправнымъ приготовленіемъ ружей и правильной поставкой ихъ въ Оружейную палату. При старостѣ находится назначенный отъ правительства подъячій „для сбереженія оружейныхъ мастеровъ“, имѣвшій при себѣ записную книгу, въ которую заноситъ имена всѣхъ казенныхъ тульскихъ кузнецовъ, стрѣльныхъ заваршиковъ замочниковъ и вообще всѣхъ мастеровыхъ людей. Теперь всякій изъ нихъ, пожелавшій отлучиться для какой-либо надобности изъ слободы или наняться внѣ ея на стороннюю работу, только тогда могъ это сдѣлать, когда онъ, предварительно явившись къ старостѣ и получивъ отъ него разрѣшеніе, записывался при этомъ въ книгѣ съ точнымъ означеніемъ срока отпуска. За нарушеніе этого правила полагалось въ первый разъ „бить батоги нещадно и доправить пени рубль“, за второй „учиня потому жъ довольное батоги наказанье, править по 3 р., въ третій пени доходила до 5 рублей. За дальнѣйшее упорство грозило „жестокое наказанье, битые кнудомъ и ссылка на

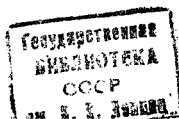
каторгу съ конфискаціей дворовъ и животныхъ. Запись въ книгу должна была имѣть важные результаты для быта общины. Члены ея теперь, лишившись права свободной отлучки, прикрѣпились къ ней и къ мастерству, которымъ они занимались, кромѣ того, выборному отъ общины старостѣ и отчасти правительственному подъячему давалось отъ сторонней власти важное право надъ личною выборившихъ. Въ силу этого права староста имѣлъ возможность вмѣшиваться во всякое дѣло кузнеца, происшедшее внѣ общины. Впрочемъ за это время у кузнецовъ этой слободы и не могло быть особенно много дѣлъ внѣ самой общины, потому что тѣмъ же наказомъ запрещалась подъ угрозой наказанія кнудомъ „безъ всякаго пощаденія“ продажа на сторону ружья и частей его. Большинство рабочаго времени оружейникъ проводилъ въ самой слободѣ при выполненіи казенныхъ заказовъ, и вотъ тутъ-то главнымъ образомъ и достигала обширнаго значенія власть старосты. Онъ съ товарищами долженъ былъ употреблять все зависящія отъ нихъ мѣры, чтобы ежегодно поставлять въ казну сполна 15,000 ружей, которыя по совершенству отдѣлки не уступали бы нѣмцекимъ образцамъ... „Буде кто изъ мастеровыхъ людей станетъ пьянствовать непрестанно или каковыя являтися будутъ лѣнивцы, отъ чего чиниться будетъ дѣлу ружья мѣшкота и непоспѣшеніе, и таковыми пьянщамъ и лѣнивцамъ чинить наказаніе, впервые батоги и пени 16 алт. 4 ден., а буде и впередъ учнутъ таковая лѣ, чинить наказаніе батоги жесточае и брать пени по вышесказанному и держать на чеши и въ желѣзахъ дни по два и по три“. Старостѣ былъ оставленъ солдатъ, обязанность котораго была непрестанно ходить къ мастерамъ и понуждать ихъ работать „нелѣпно“. При приѣмѣ выдѣланныхъ ружей отъ мастеровъ староста съ выборными должны были испытывать достоинства ихъ и за неумѣлую и дурную работу править денежные пени и наказывать батогами, а если бы впослѣдствіи принятыя ружья оказались негодными для стрѣльбы, то, какъ правительственнымъ приемщикамъ, грозило наказаніе безъ всякаго милосердія кнудомъ и всякой пенею, а старостѣ съ выборнымъ строгая отвѣтственность, а мастерамъ, чьи клеймы на ружьяхъ, и смертная казнь. Наконецъ въ томъ случаѣ если бы мастера стали съ умысломъ выполнять дурно казенную работу или даже вздумали совсѣмъ оставить казенное оружейное дѣло и перейти къ кому-нибудь на частную работу по своему желанію, то тѣмъ чинить наказаніе немилосердно.

ство батогами, а подговаривавшихъ къ неповиновенію, развѣдавъ, отсылать въ Оружейную палату и, учинивъ, какъ возмутителямъ и пронырдамъ всеконечно жестокое наказаніе, сослать вѣчно на каторги. Такія суровыя наказанія объясняются какъ самымъ временемъ, такъ и особенными обстоятельствами, въ какія было поставлено государство великой сѣверной войной. Нужна была во что бы то ни стало хорошо вооруженная армія, а извѣстно, что Петръ не прывыкъ останавливаться въ такомъ положеніи ни передъ какими мѣрами. Справедливость впрочемъ требуетъ сказать, что не одні только мѣры устрашенія встрѣчаются въ наказѣ; въ немъ обѣщается также оружейныхъ дѣлъ мастерамъ за усердное исполненіе работы и за поставку излишнихъ ружей, сверхъ положеннаго числа, государева мщлость, и прибавка въ цѣнѣ при уплатѣ за нихъ.

Вручая старостѣ надзоръ за правильнымъ выполненіемъ работъ, требуя отъ оружейниковъ, чтобы они были въ этомъ случаѣ „послушны“ ему, наказъ распространялъ его права и внѣ сферы служебныхъ отношеній: вмѣстѣ съ подъячимъ, староста занимался разборомъ дѣлъ и соръ, возникавшихъ между оружейниками. Самъ онъ подчинялся вѣдомству оружейной палаты и съ ней непосредственно сносился.

Такова была власть старосты. Чтобы поддержать ее и чаще напоминать о ней слобожанамъ, чтобы они „имѣли, выражаясь словами наказа, страхъ и памятовали его великаго государя указъ“, велѣно было прибить его на братскомъ дворѣ, гдѣ бы онъ постоянно висѣлъ, подъ охраной десятниковъ, а черезъ мѣсяцъ или два прочитывался всѣмъ собраннымъ для того жителямъ слободы.

Такимъ образомъ община тульскихъ кузнецовъ стала управляться выборными ею властями, получавшими права и прерогативы не отъ нея самой, а отъ сторонней государственной власти, но и правомъ выбора властей община пользовалась не долго. Съ 1708 года стали уже назначаться отъ правительства особыя лица, подъ вѣдѣніе которыхъ и поступили тульскіе кузнецы. Такъ, въ этомъ году Петръ велѣлъ назначить капитана тобольскаго полка Жеребцова начальникомъ казенной кузнецкой слободы. Изъ распоряженій этого новаго начальника замѣчательно запрещеніе выдѣлывать ружья изъ желѣза, добываемаго 10 ручными горнами, оставленными въ Тулѣ. Подъ смертной казнью велѣно было дѣлать стволы изъ сибирскаго желѣза. Въ 1711 году комиссаромъ надъ тульскими оружей-

никамп былъ назначенъ стольникъ Клементій Чулковъ. Его переписка съ завѣдывавшимъ въ то время всѣмъ вообще оружейнымъ дѣломъ княземъ Волконскимъ и съ самимъ Петромъ даютъ намъ понятіе, какая неумолимая военная дисциплина царила на тульскихъ заводахъ. Вотъ отрывокъ изъ письма къ кн. Волконскому: „живу я въ оружейной слободѣ неотлучно и оружейнымъ мастерамъ подтверждаю съ пристрастіемъ, чтобы они ружье дѣлали съ великимъ поснѣшеніемъ денно и ночно и противъ образцовъ въ сходство, и для того каждаго дни по мастерамъ ѣзжу и многихъ бью батоги“ и проч. Въ другой разъ онъ писалъ Петру: „по твоимъ, государь, письмамъ о оружейномъ дѣлѣ, истинно, ей—ей, *всесердно радю, какъ нище того быть невозможно*, что каждаго дни человекъ по десяти бью батоги. Приборщикова и замочникова на оружейномъ дворѣ зѣло понуждаю въ дѣлѣ, не только чтобъ день дать отдохнуть, но и ночи спать не даю“... Съ своей стороны Волконскій не забывалъ побуждать комиссара смотрѣть самымъ добрымъ присмотромъ за исправнымъ приготовленіемъ ружей, а ежели ружье не противъ того будетъ, какъ при насъ было, то можете потерять свои головы. *На мнѣ того не спросятъ*, „откровенно высказывался начальникъ“, *для того, что я нинѣ здѣсь*; всего спросятъ на тебѣ и на надзирателѣ Леонтьевѣ и Орѣховѣ и на прочихъ товарищахъ, не такъ какъ прежде сего у васъ у всѣхъ были блудни.... Ежели изъ мастеровъ кто явится неисправенъ, то имъ чинить такъ, какъ вамъ указъ повелѣваетъ, а буде чинить вы того надъ ними не будете, то вамъ учинено будетъ противъ ихъ втрое“.

Таковы порядки, которые стали устанавливаться въ кузнецкой слободѣ. Это было передъ 1712 г., когда рѣшено было построить вододѣйствующую машину. Община оружейниковъ обращалась тѣмъ самымъ въ казенный оружейный заводъ.

Въ то время, какъ въ Россіи возникло уже не мало казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ заводовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не переставали еще устраивать ручные доменные заводы. Такъ, въ Засосенскомъ стану Елецкой провинціи мѣстные помѣщики, посадскіе люди, однодворцы, волостные крестьяне и даже дворовый человекъ и крестьянинъ полковницы Телѣгиной, въ одиночку или компаніями („вопче“) владѣли восемью ручными доменными заводами. Пять изъ нихъ, положительно извѣстно, возникли въ промежутокъ времени между 1728 и 1731 гг. У кого была собственная земля, то устраивали на

ней, а другіе снимали, обыкновенно 5 четвертей, лѣтъ на 5 или на 10 у мѣстныхъ обывателей и тутъ устраивали заводы. Покупныхъ земель и людей къ заводамъ не было. Въ воронежскомъ у. въ 1729 г. помѣщики Пареные устроили на рѣчкѣ Проволовкѣ двѣ ручныя домны и пережигную кузницу. Находившаяся по близости желѣзная руда перегонялась въ кирпичи наемными мастеровыми и работными людьми, а также и собственными крестьянами помѣщика ¹⁾.

Кромѣ кузнечно-слесарныхъ извѣстно про существованіе въ XVIII в. къ югу отъ Москвы и другихъ издѣльныхъ промысловъ.

Въ Егорьевскомъ и Касимовскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи издавна занимались приготовленіемъ издѣлій изъ лыка и коры. Въ настоящее время тамъ плетутъ лапти, цыновки, рогожи, куле, кульки. Мочало для нихъ касимовцы покупаютъ въ Тамбовской г., въ Елатомскомъ и Темниковскомъ у.у., и въ Нижегородской г., въ Ардатовскомъ у. Въ отрывкѣ таможенной книги Нижегородской макарьевской ярмарки начала прошлаго столѣтія записано, что работниязъ частной сотни Шанина явилъ по касимовской таможенной зачетной выписи 2000 лаптей, купленныхъ имъ врознь у крестьянъ въ Касимовскомъ у., кромѣ того 100 лубковъ и на 7 рублей лыкъ елатомской покупки. Все это онъ продалъ въ Нижнемъ ²⁾.

Калуга въ XVIII вѣкѣ славилась между прочимъ своими печниками, каменщиками и штукатурками: въ ней въ большомъ количествѣ готовились и израсцы для печей. Когда въ 1731 г. для постройки въ Москвѣ Анненгофскаго дворца наскоро собирались лучшіе мастера какъ въ столицѣ, такъ и въ ближайшихъ мѣстностяхъ, въ это время въ Тулу и Калугу послано было за израсцами. Въ Калугѣ оказалось на лицо и доставлено было въ Москву на 40 роспускахъ слишкомъ 20,000 израсцовъ на 20 печей. Изъ Калуги же отправлено было 20 „самыхъ лучшихъ“ печниковъ для кладки дворцовыхъ печей ³⁾.

¹⁾ М. А. М. Ю. Дѣла сената ⁴/₉₀₈, № 30.

²⁾ Мещ. и Мадз. *Сводъ*, 314. Рукописк проф. Вѣляева въ Рум. музеѣ № 1596.

³⁾ *Топографическое описаніе Калужскаго намѣстничества* Слб. 1785. 20 и 21 стр. Гавриловъ. О постройкѣ въ Москвѣ сгорѣвшаго въ 1753 году головинскаго дворца. 2 т. описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ М. А. М. Ю. 2-я кн.

Мценскій уѣздъ Орловской губерніи давно извѣстенъ своими кружевами. Въ Мценскѣ до сихъ поръ сохраняются превосходныя кружева, изъ бѣлыхъ и золотыхъ нитей, съ старинными узорами, сдѣланныя 150 лѣтъ тому назадъ ¹⁾.

Въ городахъ Малороссіи развитъ гончарный промыселъ. Въ резиденціи гетмана, Глуховѣ, существовалъ особый гончарскій цехъ; гончары жили по селамъ Глуховской сотни и въ городахъ Кролевецѣ и Воронежѣ. Между рукописями, принадлежащими извѣстному историку Малороссіи Маркевичу и хранящимся въ Румянцевскомъ Музеѣ, встрѣчаются двѣ челобитныя глуховскихъ гончаровъ, гдѣ они жаловались гетману на несправедливыя притѣсенія и поборы глуховской старшины, заставлявшей ихъ безденежно выполнять разнаго рода работы, что было крайне раззорительно для нихъ, особенно при ихъ скудости и недостаткахъ. Однимъ изъ распространенныхъ ремеслъ въ городахъ и селеніяхъ Малороссіи издавна была выдѣлка кожи и приготовленіе изъ нея обуви. Объясняется это можетъ быть тѣмъ, что въ Малороссіи все крестьяне привыкли носить сапоги и не употребляютъ лаптей. Въ 1766 г. въ Нѣжинѣ, главномъ пунктѣ кожевеннаго производства, кромѣ кожевеннаго завода, было кожевенныхъ домовъ 43, гдѣ выдѣлывались кожи яловичныя бѣлыя, конскія, козловыя, бараныи. Здѣсь издавна существовалъ и сапожническій цехъ. Выдѣланныя въ Нѣжинѣ кожи и сапоги продавались въ малороссійскихъ мѣстечкахъ на ярмаркахъ, въ Нѣжинскомъ, Кіевскомъ, Переяславскомъ и Прилудскомъ полкахъ.

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ мною извлечены во время занятій въ музеѣ изъ рукописей его довольно подробныя свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ и на предметы первой необходимости. Эти свѣдѣнія, приведенныя въ извѣстный порядокъ, даютъ возможность опредѣлить, какія мѣстности во второй четверти XVIII вѣка были особенно богаты хлѣбомъ, и гдѣ населенію поэтому выгоднѣе было заниматься хлѣбопашествомъ, а не издѣльными промыслами. Матеріаломъ въ этомъ случаѣ служили для меня репорты или доношенія, поступавшія изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ въ государственную камеръ-коллегію и въ ревизіонъ-коллегію со справочными цѣнами на рожь, пшеницу, ячмень, овесъ, сѣно, мясо и проч., преимуще-

¹⁾ Мещер. и Мадз. Сводъ 613.

шественно за время 30-хъ и 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія. О цѣнахъ на хлѣбъ разнаго рода и на жизненные припасы и предметы первой необходимости за болѣе раннее время, а именно за 20-е годы прошлаго столѣтія, даютъ понятіе отрывки таможенныхъ книгъ, изъ которыхъ и сдѣланы мною необходимыя выписки. Выше мы пользовались отчасти таможенными книгами при описаніи промысловъ Архангельской губ. Вообще же этого рода документы даютъ немало данныхъ для характеристики бытовой стороны народной жизни. Прочитывая таможенные книги, напр. мѣстныхъ ярмарокъ, вы какъ бы проходите по самой ярмаркѣ начала XVIII в. и знакомитесь наглядно съ тѣмъ, какіе товары къмъ привезены, на что и гдѣ былъ спросъ, чѣмъ богата та или другая мѣстность. По таможеннымъ книгамъ незамѣтно воспроизводится передъ нашими глазами незатѣйливый бытъ и ограниченныя потребности массы населенія. Нѣкоторыя изъ таможенныхъ книгъ были уже изданы проф. Бѣляевымъ.

Затѣмъ пересмотрѣны были и сдѣланы извлеченія изъ сохранившихся въ музеѣ подлинныхъ дѣлъ Пушкарскаго приказа по челобитнымъ извѣстныхъ торговыхъ людей и заводчиковъ XVIII в. Марселисовъ. Здѣсь встрѣчаемся съ нѣсколькими интересными свѣдѣніями о первой волости Соломенской, приписанной къ заводамъ, и о матеріалахъ, выдѣлывавшихся на нихъ (См. Востокова „Описаніе рун. румянц. музея № 102).

Между другими рукописями въ музеѣ сохраняется значительное число принадлежавшихъ когда-то извѣстному историку Малороссіи Маркевичу и поступившихъ послѣ его смерти въ распоряженіе музея. Въ числѣ ихъ есть и относящіяся до торговли и промысловъ Малороссіи. Изъ нихъ мы узнаемъ про существованіе, кромѣ вышеописанныхъ гончарнаго и кожевеннаго промысловъ, дегтярныхъ майдановъ, селитряныхъ заводовъ и знакомимся съ ходомъ дѣла на двухъ Почепскихъ фабрикахъ парусныхъ полотень (См. Архивъ Маркевична, связка № 1213).

II

Весьма интересенъ хранящійся въ Румянцевскомъ Музеѣ „Сборникъ указовъ, донесеній и другихъ актовъ 1737—1742 г., относящихся къ желѣзнымъ заводамъ Авиноія Демидова“.

дова“, въ спискѣ XVIII в. Въ этомъ „Сборникѣ“ между другими, болѣе или менѣе интересными документами, сохранилась копія на трехъ листахъ съ челобитной, поданной въ 1741 г. въ бергъ-директоріумъ выборнымъ отъ всего міра крестьяниномъ дворцоваго села Ильинскаго острожка, Кунгурскаго уѣзда, Бѣлобородовымъ, на статскаго совѣтника Акинѣя Демидова и на раззорителей прикащиковъ. Эта челобитная ярко рисуетъ намъ какъ то время, подъ шумъ дворцовыхъ переворотовъ, заводчикъ, пользуясь покровительствомъ, если не самихъ временщиковъ, то лицъ, приближенныхъ къ нимъ, безъ особенныхъ формальностей обращали въ свою собственность тысячи людей, нужныхъ для ихъ заводовъ, — а равно и самое *положеніе горнозаводскихъ крестьянъ во второй четверти XVIII вѣка.*

Между многими челобитными, подававшимися въ то время, челобитная крестьянъ Ильинскаго острожка заслуживаетъ особеннаго вниманія по подробнымъ цифровымъ даннымъ, изъ которыхъ мы можемъ узнать, какъ оплачивался въ то время трудъ приписнаго крестьянина. Не менѣе интересны въ ней также и мнѣнія самихъ крестьянъ объ ихъ отношеніяхъ къ заводчикамъ, такъ сказать о заводской политикѣ, о результатахъ ея для ихъ земледѣльческаго хозяйства и наконецъ ихъ *ria desideria*. Такъ какъ челобиты, вѣроятно, писано со словъ крестьянъ какимъ-то копіистомъ провіанской конторы Военной коллегіи, то изложеніе не всегда отличается послѣдовательностью, часто встрѣчаются повторенія, а потому при изложеніи и разборѣ его содержанія я не буду строго придерживаться порядка самой челобитной.

Ильинскій острожокъ былъ пограничнымъ съ башкирскими землями пунктомъ, построеннымъ для защиты какъ самихъ жителей, такъ и населенія окрестныхъ съ нимъ мѣстностей отъ набѣговъ Башкирцевъ, опасныхъ особенно во время ихъ шатости. Для этого въ крѣпости на охраненіи крестьянъ имъ на руки отданы были военные снаряды: „государственная артиллерія“ и „аммуниція“. Крестьяне должны были быть всегда на — сторожѣ на случай неожиданнаго нападенія со стороны кочевниковъ, они высылались для наблюденій за ними, а иногда для преслѣдованія ихъ. Словомъ на жителей Ильинскаго острожка возложены были обязанности пограничной стражи. Сверхъ того они платили обычные подати и отправляли государственныя повинности, напр. возили на армію провіантъ и фуражъ. Всего крестьянъ Ильинскаго острожка съ

окольными деревнями было около 1500 душ¹⁾. Съ 1737 года положеніе ихъ существенно измѣнилось. Въ этотъ годъ около половины крестьянъ, 200 дворовъ, т. е. приблизительно 800 душъ, было приписано къ мѣдицлавильному Бымовскому заводу Демидова, а въ 1740 году приписана была къ тому же заводу и вторая половина. Прежніе дворцовые крестьяне обращены въ приписныхъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ они испытали всю невыносимую тягость этого новаго подневольнаго положенія, грозившаго имъ полнымъ раззореніемъ, и въ 1741 году послали съ выборнымъ Бѣлобородовымъ просить защиты отъ правительственной власти противъ наглыхъ обидъ и притѣсненій, и отрѣшенія отъ заводскихъ работъ.

Крестьянамъ, судя по челобитной, было не безызвѣстно, какими благовидными побужденіями умѣли прикрываться передъ правительственной властью заводчики, когда они желали приобрѣсти въ свое распоряженіе даровую рабочую силу (принципъ, которымъ, справедливость требуетъ сказать, имѣло обыкновеніе объяснять и само правительство свои распоряженія, касающіяся приписки крестьянъ къ заводамъ). „Когда Демидовъ“, говорится въ челобитной, „проситъ къ заводамъ для тѣхъ заводскихъ работъ крестьянъ, то въ прошеніяхъ своихъ объявляетъ, якобы то для государственной и всенародной пользы, отъ чего де тѣ крестьяне могутъ себѣ пропитаніе имѣть и житье свободное“. Горькій опытъ научилъ ихъ, какъ осуществляютъ на практикѣ эти благородныя стремленія, и что такое значить „имѣть пропитаніе и житье свободное“. Но не только цѣлесообразность акта приписки, но и самая юридическая законность его возбуждала сомнѣнія въ крестьянахъ Бымовскаго завода: „въ прошломъ 1737 году *якобы* по указу предковъ отъ Пермской провинціальной канцеляріи къ данной ему Демидову мѣдной заводской работѣ, къ Бымовскому его Демидова

¹⁾ Подобнаго рода укрѣпленныхъ пунктовъ въ сѣверо-восточномъ краѣ было не мало. Такъ, противъ башкирскихъ поселеній при Петрѣ II по представленію Геннинга по рр. Уфѣ, Бѣлой, Чусовой и Камѣ города и важнѣйшія селенія обносились палисадами и снабжались артиллерійскими снарядами. Для отраженія башкирскихъ нападений бароны Строгановы обратили многія селенія свои въ правильныя крѣпости и держали постоянно до 1500 заобывновенныхъ къ *огненному оружію* человекъ изъ своихъ крестьянъ. Правительство снабжало ихъ надлежащею аммуниціею, фузеями, порохомъ и свинцомъ. Арсеневъ *Царств. II. II.* 103 и 119.

заводу приписано 200 дворовъ, а подлинно-ль означенные 200 дворовъ по указу приписаны и отдаеы, о томъ мы, нижайшіе, доподлинно неизвѣстны, да и звать намъ не по чему и не объявлено“. Не знали они вовсе, по какому указу онъ приписалъ къ своимъ заводамъ и вторую половину. Правда, изъ челобитной видно, что крестьянамъ удалось выхлопотать въ 1739 году повидимому копию изъ пермской провинціальной канцеляріи, на основаніи которой Демидовъ считалъ себя въ правѣ приписать ихъ заводу, но и она должно быть не разъяснила, по указу какого высшаго правительственнаго учрежденія дѣйствовала сама Пермская провинціальная канцелярія, и не дѣйствовала ли она въ этомъ случаѣ своею собственною властью. Подозрѣніе это поддерживалось въ крестьянахъ тѣмъ, что заводское начальство распорядилось отнять у нихъ добытый ими документъ. Въ то же время эта приписка противорѣчила, по мнѣнію челобитной, тому пункту Бергъ-коллегіи регламента, которымъ запрещалось приписывать къ партикулярнымъ заводамъ цѣлыми деревнями и селами, „а стараться всякими мѣрами и способомъ, чтобъ при тѣхъ заводахъ населять своими купленными крестьянами и ту заводскую работу производить тѣми купленными крестьянами, а не государственныхъ деревень приписными крестьянами“. Всю эту юридическую сторону дѣла они представляли на благоусмотрѣніе бергъ-директоріума, но этимъ не ограничивались. По мнѣнію, можетъ быть наивному, крестьянъ казалось, что фактическое описаніе ихъ положенія подѣйствуетъ убѣдительно на лицъ того учрежденія, въ рукахъ котораго находилась ихъ судьба, а потому они съ особенной подробностью останавливаются на томъ, какія заводскія работы они отправляютъ и какое получаютъ за нихъ вознагражденіе.

Какъ извѣстно, приписные къ заводамъ обязаны были во время свободное отъ ихъ земледѣльческихъ занятій, преимущественно весною и осенью, вмѣсто взноса подушной подати, отправлять нѣкоторыя необходимыя для заводовъ работы: рубить дрова, складывать ихъ въ кучи, осыпать, сжигать, разламывать уголь и возить на заводы, а гдѣ нужно, то подвозить къ заводамъ руду. Заводчики же зачисляли слѣдующую за эти работы плату, въ опредѣленномъ закономъ размѣрѣ, въ подушный окладъ за всѣ ревизскія приписныя души, и сами уже вносили правительству. По плакату Петра Великаго, изданному въ 1724 г. и не терявшему своей силы до указа 1779 г. (май) пшшему работнику давалось лѣтомъ (съ 1-го апр. по 1 окт.)

5 коп., конному по 10 коп. зимою (съ окт. по апр.) пѣшему 4 коп. конному по 6 коп.

Посмотримъ теперь, какъ оплачивались работы ильинскихъ крестьянъ на Бымовскомъ заводѣ.

Заводскія работы начинались обыкновенно рубкой дровъ. На каждую кучу нужно было крестьянамъ нарубить 200 кубическихъ сажень семичетвертныхъ дровъ. „А въ той дровяной рубкѣ заверстываютъ каждую сажень по 24, а наймомъ наймовати отъ себя по 32 и по 33 коп. oprичъ дневныя пищи, а дневныя пищи даемъ мы на каждую сажень и каждаго чело-вѣка на 4 дни, то всякая сажень происходитъ наймомъ въ рубкѣ съ тою денною пищею по 50 коп.“. Такимъ образомъ, получая 24 коп. за каждую сажень, крестьяне приплачивали еще своихъ 26 коп., т. е. крестьянская работа оцѣнивалась заводомъ на половину ниже ея дѣйствительной стоимости.

Работы по складыванію дровъ въ кучи, осыпкѣ зачитались въ подушныя по 2 р., а наймомъ обходились въ 3 р., т. е. въ 1½ раза дороже.

Но что было тягостно для крестьянъ—это явно противное закону требованіе заводскаго начальства, чтобы крестьяне являлись лѣтомъ, въ разгаръ рабочей поры, на заводы жечь уголь. „Работа та трудная и несносная“. „А для сженія тѣхъ кучъ выбиваютъ насъ въ самую лѣтнюю рабочую пору, и у того сженія бываемъ мы по 12 и по 14 дней, а заверстываютъ и числятъ въ день по 3 коп. и вновь по толикому числу, а мы для нуждъ своихъ наемщиковъ наймовали и найму давали въ сутки по 12 коп., а когда случится и дешевле, то и по 10 коп.; а ниже и наемщиковъ сыскать и нанять негдѣ; къ тому же сверхъ того дается отъ насъ тѣмъ наемщикамъ дневная пища“. Здѣсь крестьянамъ приходилось за работу въ самое важное для полевыхъ работъ время получать вознагражденіе менѣе того, что было положено за 15 лѣтъ до того приказомъ давать работнику въ зимнее время. Наемнымъ рабочимъ уплачивалось самими крестьянами вдвое противъ того, что зачиталось имъ въ подушный обкладъ. „А потомъ насъ выгоняютъ въ тое рабочую пору возить уголь и каждый день вывозятъ по три копѣйки, а добрая лошадь и съ человекомъ по 6 коп., а болѣе вывести никакъ не можно. А на каждой день возятъ по 4 короба и съ каждаго короба за работу даютъ по 1½ коп. А которая немочная лошадь, вполы вывозитъ“. Здѣсь уже назначалось такое вознагражденіе, что работникъ,

съ лошадыю получалъ иногда за день вдвое менѣе, чѣмъ по плакату слѣдовало давать ему зимой. Такъ какъ возка угля изъ лѣсу приходилась и къ концу лѣтнаго времени, и бывали „грязи великія“, то крестьяне для необходимыхъ своихъ нуждъ, вѣроятно чтобъ убрать хлѣбъ съ поля, давали наемщикамъ въ день по 30 коп., но, не смотря на такую высокую плату, наемщиковъ имѣлось малое число, такъ какъ всѣ, должно быть, были заняты исключительно спѣшной уборкой хлѣба. Не станемъ говорить про ничтожность той платы, за какую заводское начальство хотѣло въ такое страдное время пользоваться крестьянскимъ трудомъ, такъ какъ были дни въ рабочую пору совершенно потерянные для крестьянскаго хозяйства, именно, когда крестьяне ѣздили на заводъ за 50 верстъ и обратно домой и жили на заводѣ по дню и по два. За эти дни не платилось имъ уже ничего. Если мы предположимъ, что крестьянами каждый разъ употреблялось хотя бы только три дня, то на неоднократные проходы изъ дому на заводъ и обратно, особенно во время рабочей поры, тратилось въ совокупности очень значительное количество неоплаченнаго рабочаго времени, если оцѣнимъ каждый рабочій день по 10 коп. въ лѣтнее время и по 5 въ весеннее. Такимъ образомъ пльинскіе крестьяне, очутившись приписными къ Бымовскому заводу, стали отработывать на нихъ не простой, а *двойной*, даже болѣе чѣмъ двойной подушный окладъ. Меньшая часть ихъ труда, въ видѣ опредѣленной по законамъ подушной подати, шла дѣйствительно на пользу государства, а значительно большая часть исключительно въ пользу заводчиковъ. Подушный окладъ съ ревизской души въ это время равнялся 1 руб. 10 коп., и если предположимъ, что каждый взрослый работникъ долженъ былъ отработывать за три ревизскихъ души, то вмѣсто 3 р. 30 к., онъ въ сущности отработывалъ на заводѣ никакъ не менѣе, какъ на 7 р., а всего скорѣе, что и на всѣ 8 р. Что цифры и факты, на основаніи которыхъ сдѣланъ этотъ расчетъ не преувеличены, и что порядки Бымовскаго завода не были явленіемъ исключительнымъ, а напротивъ согласовались вообще съ системой, практиковавшейся заводчиками надъ приписными крестьянами,—это подтверждается и другими близкими по времени и мѣсту данными, сообщенными въ замѣчательной статьѣ г. Семевского „Горнозаводскіе крестьяне на Уралѣ въ 1860—64 гг.“ (В. Евр. 77 г. №№ 1 и 2). По его расчетамъ, каждый взрослый рабочій на камскихъ заводахъ долженъ былъ отработывать на

уплату подушныхъ денегъ 4 р. 84 к., а цѣнность времени, затрачиваемаго на работу, равнялась, по вычисленіямъ г. Семеновскаго, 10 руб., и это по умѣренному разсчету. Приписные крестьяне авзяно-петровскаго завода въ челобитной, поданной Вяземскому, говорили, что невольная, порабощенная заводская работа каждому человѣку въ годъ болѣе 20 р. становится ¹⁾).

Понятно поэтому, какія выгоды извлекали заводчики изъ даннаго имъ права пользоваться въ извѣстныхъ случаяхъ крестьянскимъ трудомъ. Точно также и Демидовъ: уплачивая въ казну ежегодно за 1500 ревизскихъ душъ Ильинскаго острожка подушнаго сбора 1650 р., онъ съ одной доставки угля получалъ въ свою пользу гораздо большую сумму.

Сверхъ доставки угля крестьянамъ приходилось выполнять и другія заводскія работы и доставлять въ пользу владѣльца и прикащиковъ произвольно налагаемые поборы. Въ челобитной упоминается два случая, когда крестьянъ села Ильинскаго заставляли поставлять сѣно и одинъ разъ сѣно и овесъ. Въ первый разъ по приказу Демидова оставленный имъ въ селѣ вмѣсто прикащика солдатъ Пятидесятниковъ взялъ съ нихъ нагло и насильно про свой и хозяйскій обиходъ 100 возовъ сѣна, отъ 12 до 15 п. каждый, заплативъ за пудъ по 1½ коп. Про обиходъ Демидову сѣно должно было быть доставлено до Кунгура, въ 27 верстахъ отъ завода. Другой разъ тотъ-же Пятидесятниковъ свезъ 100 же возовъ, по 16 и 17 п., въ Бымовскій заводъ, въ 50 верстахъ отъ Ильинскаго, и за то сѣно и за возку намъ ничего не давали, прибавляютъ крестьяне въ челобитной. Въ третій разъ по приказу прикащика Пятидесятниковъ собралъ „сильно“ съ міру возовъ со сто, по 15 и по 16 п.п., также и овса на 20 лошадей безъ дачи денежной. Къ сожалѣнію, въ челобитной не обозначено, въ одинъ ли годъ произведены были эти поборы, или въ разное время. Несомнѣнно только то, что Демидовъ и прикащики не считали нужнымъ покупать кормъ для собственныхъ и заводскихъ лошадей, а кормили ихъ крестьянскимъ сѣномъ и овсомъ. А между тѣмъ этого рода сборы прибавляли новую статью расхода въ крестьянскомъ бюджетѣ. Если положимъ, что на обиходъ хозяина и прикащика требовалось по 100 возовъ, среднимъ числомъ по 15 пудовъ, то слѣдовательно со всего Ильинскаго должно было выставить тому и другому 3000 пудовъ,

¹⁾ № 2, 637, 638, 651.

т. е. съ каждой ревизской души около 2 пудовъ, а со взрослога работника около 6 п. Изъ донесеній въ камеръ и ревизионъ коллегіи видно, что въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ рыночная цѣна сѣна за пудъ въ Россіи только въ южныхъ степныхъ губерніяхъ стояла на 2 и 2½ коп., а въ большинствѣ мѣстностей средней и сѣверо-восточной Россіи держалась на 3 и 4 к. за пудъ, а потому, не преувеличивая можно опредѣлить, что поборъ сѣномъ обходился работнику въ 18 коп.

Тяжелѣе отзывалась наложенная на крестьянъ повинность—поставлять провіантъ на заводы, особенно если это было не въ удобное время. „Въ прошломъ 739 году въ вешнюю пору онаго Демидова Петръ Мануиловъ насильно выслалъ везти его Демидова провіантъ муку съ Суксунскаго заводу до Межевой утки, а то разстояніе 140 верстъ на 60 подводахъ, а на каждой по 2 куля и во всякомъ кулѣ по 10 пудовъ и за ту возку давали за пудъ по 5 коп., а мы наимовали отъ себя по 10 и 12 коп. съ пуда. Да и вторично по тому вешнему пути на голой землѣ на саняхъ на 40 подводахъ, на каждой лошади по одному кулю и отъ того лошадей насадили, въ томъ числѣ одна и умерла и за оную возку давали съ пуда по 6 коп., а мы наимовали отъ себя вольныхъ наемщиковъ для нуждъ своихъ, давали съ cadaго пуда по 30 коп. А для одной высылки и работъ въ то время высланъ былъ отъ прикащика его Петра Мануилова солдатъ Пятидесятниковъ и одной насъ и письма отнять“. Доставка первыхъ 1200 пудовъ муки на наемныхъ подводахъ обоилась бы въ 132 р., а на крестьянскихъ только 60 р., слѣдовательно крестьяне потеряли 72 р.; доставка же вторыхъ 120 р., а на крестьянскихъ только въ 24 р., слѣд. потеряли 96 р. Вся эта двукратная поставка на отдаленный заводъ муки стоила крестьянамъ потеряннаго труда на 168 р., а на cadaго рабочаго 34 к.

Приводя къ итогу всѣ затраты труда, какія дѣлалъ взрослый рабочій, выполняя заводскія работы, наряды и поборы, мы едва-ли преувеличимъ, если опредѣлимъ ихъ въ 9 р. Вполнѣ точныхъ данныхъ извлечь изъ челобитной мы къ сожалѣнію не можемъ, какъ по тому, что сами крестьяне оцѣнивали стоимость своихъ работъ только приблизительно, такъ и потому, что не въ привычкахъ заводскихъ властей было допускать контроль надъ суммами, получаемыми съ плательщиковъ. Онѣ не давали годовыхъ описей ихъ работъ и даже вовсе не считали того, что на нихъ было отработано. Давались

иногда крестьянамъ „нарядныя письма“, по которымъ ихъ наряжали на работы, но и тѣ насильно отнимались потомъ у нихъ во избѣжаніе вѣроятно того, чтобы не дать въ руки крестьянъ документовъ, могущихъ послужить при случаѣ къ обнаруженію незаконнаго обирающа ихъ заводчиками.

Но что грозило въ корнѣ подорвать благосостояніе Ильинскихъ крестьянъ, это то, что Демидовъ самовольно и противозаконно выселялъ изъ среды ихъ рабочія силы на свои заводы, уменьшая ихъ платежныя средства и въ тоже время заставляя оставшихся въ Ильинскомъ зарабатывать за высланныхъ подушный сборъ. Такъ имъ было выселено 20 человекъ на Суксунскій заводъ; подъ его охраненіемъ жилъ на Невьянскомъ заводѣ крестьянинъ Горожанинновъ, и за того крестьянина оставшіеся зарабатывали за три души; на Бымовскій заводъ взяты два крестьянина да одинъ въ псаря; за нихъ также зарабатывались. Такимъ образомъ и безъ того нелегкое бремя заводскихъ работъ дѣлалось тѣмъ самымъ еще невыносимѣе для оставшихся въ Ильинскомъ.

Эти выселенія, угрожавшія крестьянамъ въ случаѣ частаго ихъ повторенія полнымъ раззореніемъ, не могли не указывать имъ въ перспективѣ другой, не менѣе страшной опасности—изъ приписныхъ сдѣлаться крѣпостными и даже заводскими рабочими Демидова. Они, повидимому, сами сознавали это, тѣмъ болѣе, что поведеніе Демидова и его прикащиковъ не разъ убѣждало ихъ въ этомъ. Что крестьяне понимали, къ чему клонятся его распоряженія, видно изъ того, что, говоря о томъ, что Демидовъ выселилъ ихъ односельчанъ на свои заводы, они вставляютъ: „яко бы своихъ покупныхъ крестьянъ“, тѣмъ самымъ онъ какъ бы приравнивалъ Ильинскій острожекъ къ своимъ покупнымъ вотчинамъ, изъ которыхъ онъ только и могъ по своему желанію выселять крестьянъ къ своимъ заводамъ.

Ильинскіе крестьяне не могли не замѣтить, что Демидовъ и прикачки третируютъ ихъ какъ крѣпостныхъ. Въ челобитной крестьяне горько жалуются на великія, паглыя и несносныя обиды. Заставляя крестьянъ возить сѣно въ Кунгуръ и на заводъ „проставленный къ этому солдатъ Пятидесятниковъ „многихъ батожемъ и дубьемъ смертельно билъ“. Особенно безпощадны были прикачки Демидова, когда они „выбивали“ крестьянъ во время рабочей поры на заводскія работы. Упорство крестьянъ, объясняемое нежеланіемъ бро-

силь пашню и поля на произволъ судьбы, а оставшихся въ домахъ женъ и дѣтей, имущество свое и вѣренное на ихъ храпеніе казенное въ постоянной опасности отъ нечаяннаго нападенія башкиръ, раздражало донельзя заводскихъ властей.

„Пятидесятниковъ билъ десятниковъ Бекрева, Крапивина, Шемшина, деревни Журавлева Ивана Мелкозернова дубиною, да крестьянина Алексѣя Санникова въ томъ, чтобъ онъ съ своей пашни работъ не работаль и онъ его взялъ отъ того рабочаго и пашеннаго дѣла и отдалъ къ другому крестьянину Михею Пятунину для работы его собственной напрасно по повелѣнію прикащика Василия Балакина. „Въ прошломъ 740 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ Демидова прикащикъ Лагуновъ билъ смертельно старосту Петра Яркова да писаря Савву Игошева батожемъ“. „Когда прикащики нашихъ крестьянъ увидятъ на своихъ пашняхъ, то и работать имъ не даютъ и бьютъ смертельно и приговариваютъ то, что де работай на заводѣ, а не на своихъ пашняхъ, да въ 1738 году оные прикащики нашего выборнаго старосту Никифора Нехорошева и выборнаго Лаврентья Калашникова били же смертельно батожемъ“... „А о другихъ обидахъ и раззореніяхъ за многимъ прешедшимъ временемъ и написать въ тѣхъ ихъ увѣчьяхъ и насиляхъ уже многого не упомнимъ“. Самъ Абинѣй Демидовъ выказывалъ полное равнодушіе къ такому поведенію прикащиковъ. Когда онъ былъ въ Ильинскомъ острожкѣ и крестьяне просили на прикащиковъ суда въ обидахъ, побояхъ и раззореніяхъ, „онъ намъ суда на нихъ не далъ и ничего имъ не учинилъ“....

„А мы, нижайшіе, не на то имъ отданы, чтобы насъ имъ мучительски мучить“. Въ этихъ постоянно несвоевременныхъ выгонахъ на заводскія работы, не смотря на всѣ противодѣйствія, встрѣчавшіяся въ этомъ случаѣ со стороны крестьянъ, въ захватахъ потомъ и кровью заработанной ими на заводахъ платы, въ открыто заявляемыхъ требованіяхъ, чтобы крестьяне работали на заводѣ, а не на пашнѣ, они не могли не видѣть систематическаго желанія со стороны заводчика раззорить въ конецъ хозяйство приписныхъ крестьянъ, довести ихъ до убожества и оскудѣнія: „мы въ его (Демидова) и прикащиковъ его несносныхъ обидахъ и налогахъ и безвременныхъ работахъ уже и домовъ своихъ лишились и удобнос лѣтнее рабочее время въ домѣхъ намъ работать на себя не даютъ, отчего уже не малая часть произошла пусто-тою и многіе въ убожество и въ крайнее раззореніе пришли подушнаго окладу платить намъ нечѣмъ“. Въ другомъ

мѣстѣ еще прямѣе объясняются побужденія, каковыми, по мнѣнію крестьянъ, руководился въ своихъ дѣйствіяхъ Демидовъ: „Знатно хотя насъ въ конецъ раззорить, отъ того мы весьма еще и впредь опасны“. Замѣчательно при этомъ, что тотъ же Демидовъ съ своими собственными вотчинными крестьянами, переселенными на заводъ, обращался не совсѣмъ такъ, какъ съ приписными. По словамъ челобитной переселенные изъ вотчинъ крестьяне „тое заводскую работу мало работаютъ, но паче имѣютъ одно купечество“. Такое отношеніе Демидова къ приписнымъ крестьянамъ не было въ то время явленіемъ исключительнымъ. Заводчики вообще считали невыгоднымъ для себя имѣть при своихъ заводахъ крестьянъ съ самостоятельнымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ, а въ ихъ интересахъ было скорѣе обезземелить, сдѣлать изъ крестьянъ - собственниковъ простыхъ батраковъ. По той же причинѣ при заводахъ находилъ себѣ пристанище всякій безземельный людъ, бѣглецы крестьяне, солдаты и проч. Г. Семевскій передаетъ въ своей статьѣ случай изъ заводской практики 50-хъ г.г., когда приписнымъ крестьянамъ, переселеннымъ на Авзяно-Петровскій заводъ Евд. Демидова, были отведены, какъ обнаружилось при слѣдствіи князя Вяземскаго, подъ пашню и огороды земли неудобныя, гористыя и усѣянныя камнями. „Заводскіе конторщики“, говорить по этому поводу г. Семевскій, „какъ будто и не знали о томъ, что переселенные крестьяне не имѣютъ пахотной земли; между тѣмъ заводская контора, быть можетъ, даже видѣла въ этомъ свою выгоду. На эту мысль наводятъ снова человѣка, хорошо знавшаго этотъ край, Дмитрія Васильевича Волкова, бывшаго оренбургскимъ губернаторомъ. Вотъ что писалъ онъ въ 1765 г. въ горную комиссію: заводчики стараются только о томъ, чтобы выковать больше желѣза „и потому на домашнее исправленіе крестьянъ не оставляютъ ни малаго времени. Я многихъ знаю, кои за правило почитаютъ, дабы ихъ заводскіе крестьяне совсѣмъ домоустройства не имѣли, а единственно отъ заводской работы питались, и сего правила тѣмъ прилежнѣе держатся, что въ то же время и сугубую пользу отъ того получаютъ“. Такъ какъ крестьяне не могутъ привести съ собою достаточнаго количества съѣстныхъ припасовъ и нѣкоторыхъ предметовъ первой необходимости, то заводчики не токмо хлѣба, но и обувь и одежду сперва на себя скупаютъ, а потомъ крестьянамъ съ возвышеніемъ цѣны продаютъ, которой великой прибыли они совсѣмъ не имѣли бы, если бы у ихъ крестьянъ

собственное хлѣбопашество и домостроительство было“. Хотя Волковъ говоритъ это собственнo о владѣльцахъ заводовъ, находящихся близъ Екатеринбургa, но его слова вполнѣ примѣняются и къ другимъ мѣстностямъ Урала“ (Вѣстн. Евр. 1877, № 2,651—653). Челобитная Ильинскихъ крестьянъ слѣдовательно показываетъ намъ, какъ примѣнялись на практикѣ тѣ правила, о которыхъ упоминаетъ потомъ Волковъ. Добиться желаемыхъ результатовъ Демидову однако было не легко. Дворцовые крестьяне неохотно подчинялись его требованіямъ. Мы видѣли, что нужно было пустить въ ходъ батоги, дубины, чтобы выбивать ихъ на работу. Между нимъ и крестьянами шла глухая борьба. Видимо, что среди нихъ находились лица, пользовавшіяся уваженіемъ и избираемыя въ мірскія должности, которыя упорно рѣшались отстаивать права односельчанъ, являлись руководителями міра, не смотря на всевозможныя истязанія, какимъ подвергались. Въ выше приведенныхъ отрывкахъ мы встрѣчались съ именами битыхъ смертельно батожемъ старосты Яркова, писаря Игошева, выборныхъ Нехорошева и Калашникова. Но изъ всѣхъ такихъ крестьянъ видимо выдѣлялся горячѣй привязанностью къ крестьянскому дѣлу и наибольшимъ противодѣйствіемъ заводскимъ властямъ самъ податчикъ разбираемой челобитной, принимавшій повидимому непосредственное участіе въ ея составленіи, крестьянинъ Елисей Бѣлобородовъ. Этотъ защитникъ крестьянскихъ интересовъ надѣялся отстоять ихъ болѣе активными средствами, вѣрилъ въ возможность путемъ доведенія до свѣдѣнія правильственныхъ учреждений о безвыходномъ положеніи своихъ односельчанъ добиться правды, и не разъ на практикѣ пытался осуществить свои стремленія. Этого не могли не замѣтить заводскія власти, и на Бѣлобородова не разъ обрушивался ихъ страшнѣйшій гнѣвъ. „Въ 1738 г (т. е. вскорѣ послѣ приписки къ заводамъ) пріѣхавши прикащикъ его Демидова Петръ Мануиловъ билъ меня“, передаетъ челобитная, „батожьежъ въ три дни дважды, яко суца вора, что да не подавай на людей доношеніе, а оное поданное доношеніе было подано на нѣкотораго неистоваго и недобраго человѣка. А при томъ былъ выборный каморникъ Прохоръ Разворинъ, которой по приказу его Мануилова тое мое доношеніе кинулъ въ печь и сожегъ“. Въ другомъ мѣстѣ челобитной онъ рассказываетъ, какъ вначалѣ 1740 г. извѣстный уже солдатъ Пятидесятниковъ съ прикащикомъ Балакинымъ „невѣдомо по какому указу взяли меня на Бизерскомъ Петра Осо-

кина заводѣ и сковали на цѣпь, и держали скована 12 дней, и билъ меня при старостѣ нашемъ смертельно батожемъ, отъ которыхъ побой лежалъ я три мѣсяца и едва ожилъ“. Вскорѣ послѣ этого были смертельно биты староста и писарь, о чемъ упомянуто было выше. Тяжкое смертное битье навело на всѣхъ такой страхъ, что „послѣ того уже и говорить міромъ никто и донинѣ не смѣють.“

Въ слѣдующемъ году Бѣлобородовъ, получивъ отъ всего міра вѣрющее письмо въ іюнѣ подаетъ уже въ бергъ-директоріумъ ту челобитную, съ содержаніемъ которой мы познакомились. Въ послѣднемъ пунктѣ ея ильинскіе крестьяне просили, чтобы „указомъ повелѣно было въ вышеобъявленныхъ его Демидова и прикащиковъ его обидахъ и тяжкихъ раззореніяхъ о томъ въ государственномъ Бергъ-директоріумѣ коллегіи изслѣдовать и отъ объявленныхъ заводовъ насъ низжайшихъ, какъ первую, такъ и вторую половины за вышепоказанными обидами отъ него *отрѣшить*, дабы мы низжайшіе рабы государственныя подати и всякіе доходы и поборы платили бездомочно и къ тому же были бы мы безъ раззоренія . . . а Демидову въ томъ заводѣ довольствоваться въ работахъ и исправлять ему своими купленными крестьяны, понеже оной Демидовъ имѣетъ у себя не малыя купленныя деревни и немалое число крестьянъ“. Въ томъ случаѣ, если ихъ освободятъ отъ команды Демидова и прикащиковъ его и примутъ въ дворцовое вѣдомство, они обязывались, кромѣ прежней крѣпостной службы и сверхъ положеннаго на нихъ подушнаго оклада 1 р. 10 к., наложить на каждую душу еще по 40 к.

На челобитной стояла помѣта; „ Докладывано іюня 23 дня 1741 году и велѣно записать справиться, сколько къ заводамъ статскаго совѣтника Демидова имѣется крестьянъ и по какому указамъ.“ Каковъ дальнѣйшій ходъ этой челобитной, достигли ли крестьяне, чего они такъ настойчиво и сильно желали, облегчилась ли ихъ участь, къ сожалѣнію, въ бумагахъ Демидовскихъ заводовъ, хранящихся въ музеѣ, мы не находимъ. Можетъ быть, и эту челобитную постигла та же злополучная судьба, какая постигала въ то время не одну изъ крестьянскихъ челобитныхъ. Въ изслѣдованіи г. Семевскаго приводится нѣсколько случаевъ безуспѣшнаго хожденія приписныхъ крестьянъ съ жалобами по присутственнымъ мѣстамъ. „Крестьяне“, говоритъ г. Семевскій, „часто не рѣшались жаловаться на заводчика, такъ какъ за это онъ истязалъ потомъ

челобитчиковъ, но опасность грозила и съ другой стороны: иногда готово было подвергнуть карѣ челобитчиковъ и само горное начальство, которое отстаивало только интересы заводчиковъ, а иногда быть можетъ было и не въ силахъ бороться съ произволомъ вельможныхъ заводовладѣльцевъ, имѣвшихъ большія связи при дворѣ. Оно совершенно не обращало вниманія на жалобы крестьянъ; послѣ этого имъ оставалось только одно средство; перестать ходить на работу“ (стр. 660—661 и 643—645).

II. Соколовскій.

Печатано по опредѣленію юридическаго факультета Императорскаго Казанскаго университета.

Деканъ *А. Осиповъ.*